
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

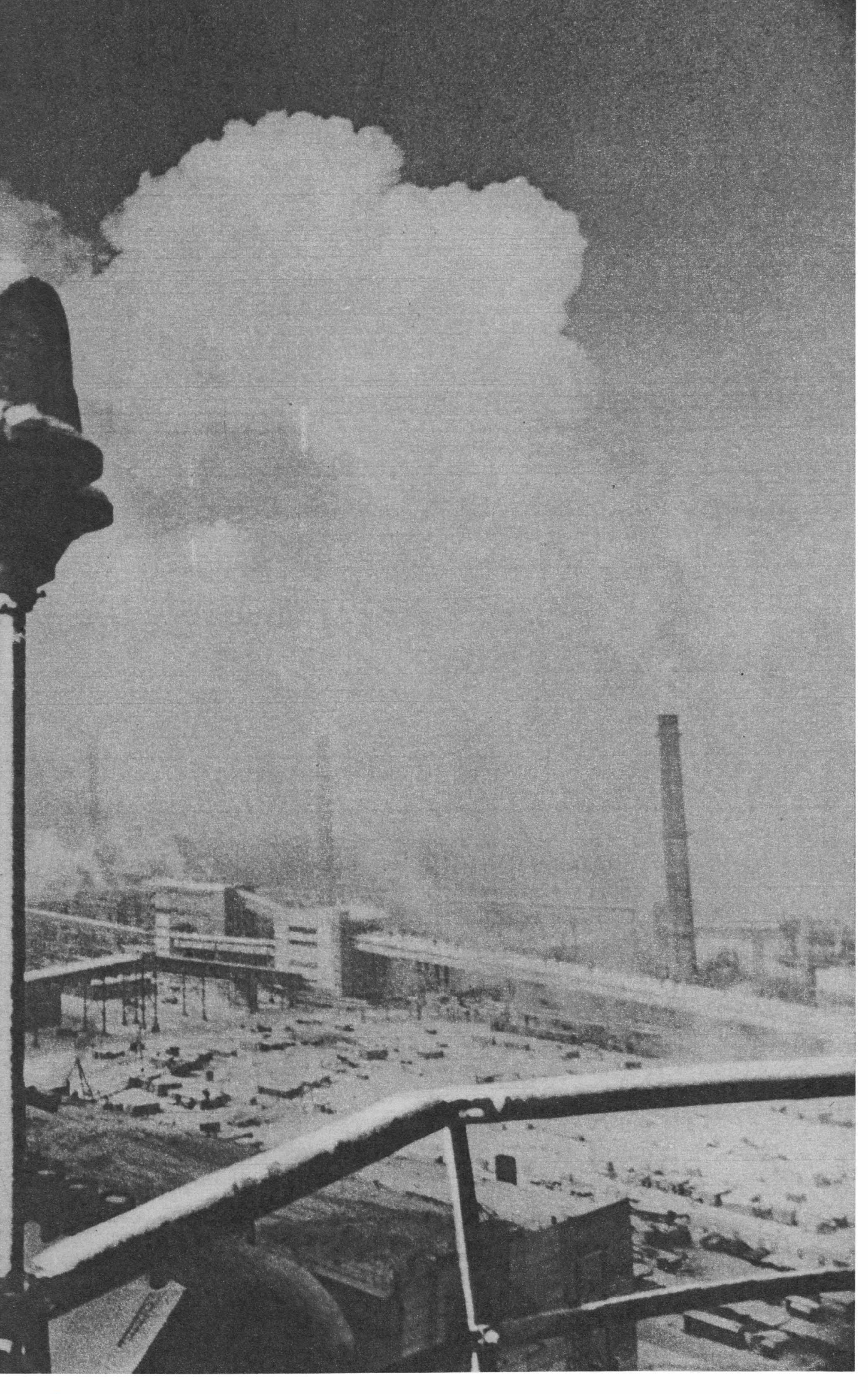
№ 52 (2529)

27 ДЕКАБРЯ 1975

Запсиб... Крупнейшее металлургическое предприятие Сибири. На его примере можно судить о том, как бурно развивалась в девятой пятилетке тяжелая индустрия страны. Тут вступили в строй мощный конверторный цех № 2, доменная печь № 3, три коксовых батареи, одна из них производительностью в миллион тонн кокса в год, мелкосортный стан «250». Сейчас, в канун пятилетки десятой, здесь началось горячее опробование еще одного гиганта — стана «450».

Фото Г. Копосова.

ШИРОКИЙ ШАГ

«Советский Союз в братском и нерушимом единстве всех наций и народностей страны уверенно идет по пути к коммунизму, неуклонно следуя курсом, выработанным Коммунистической партией. Достигнутые успехи являются могучим источником творческой энергии для всех советских людей, вдохновляют на борьбу за дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

Новый пятилетний период, в который вступает советское общество, будет характеризоваться еще более крупными масштабами хозяйственного и культурного строительства».

Из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии.

СТРАНЫ СОВЕТОВ

17 декабря в Гаване начал работу I съезд Коммунистической партии Кубы. В крупнейшем зале столицы — в театре имени Карла Маркса собрались свыше трех тысяч делегатов, представляющих 200-тысячную армию кубинских коммунистов.

На высший форум кубинских коммунистов прибыли около 90 делегаций братских коммунистических и рабочих партий, прогрессивных политических организаций и национально-освободительных движений различных континентов.

В докладе, с которым на съезде выступил Первый секретарь Центрального Комитета Компартии Кубы товарищ Фидель Кастро, дан всесторонний анализ последовательного и неуклонного развития кубинской революции, рассмотрены важнейшие задачи социалистического строительства.

«Огромные достижения во всех сферах общественной жизни, с которыми Республика Куба пришла к съезду, коренным образом изменили облик страны,— говорится в приветствии Центрального Комитета КПСС I съезду Коммунистической партии Кубы.— Они представляют надежный фундамент дальнейшего развития социалистической экономики и совершенствования общественных отношений, подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, расцвета науки и культуры».

В работе первого съезда Компартии Кубы участвует делегация КПСС во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК товарищем М. А. Сусловым, который приветствовал коммунистов Кубы от имени ленинской партии и передал им послание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. «I съезд Коммунистической партии Кубы, которому предстоит обсудить и принять документы поистине исторического значения для вашей партии и всей страны, с полным основанием можно назвать съездом победителей, штурмующих новые высоты в борьбе за счастливое будущее своей родины»,— говорится в этом послании.

20 декабря состоялась встреча Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы, премьер-министра Революционного правительства Республики Куба Ф. Кастро с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым, возглавляющим делегацию КПСС на I съезде Компартии Кубы.

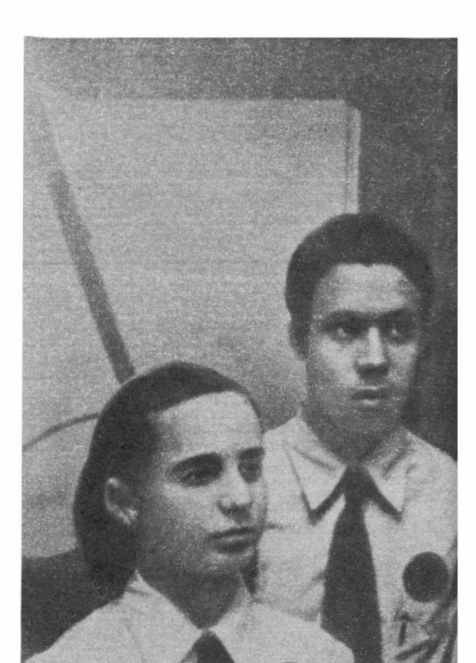
В ходе беседы было выражено глубокое удовлетворение успешным развитием всестороннего сотрудничества и братской дружбы между Советским Союзом и Кубой в соответствии с советско-кубинской декларацией, под-

В зале заседания съезда.

СЪЕЗД ПОБ

I съезд Коммунистической партии Кубы. На трибуне Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Фидель Кастро.

ЕДИТЕЛЕЙ

Делегация Коммунистической партии Советского Союза, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым, посетила гаванскую школу-интернат имени В. И. Ленина.

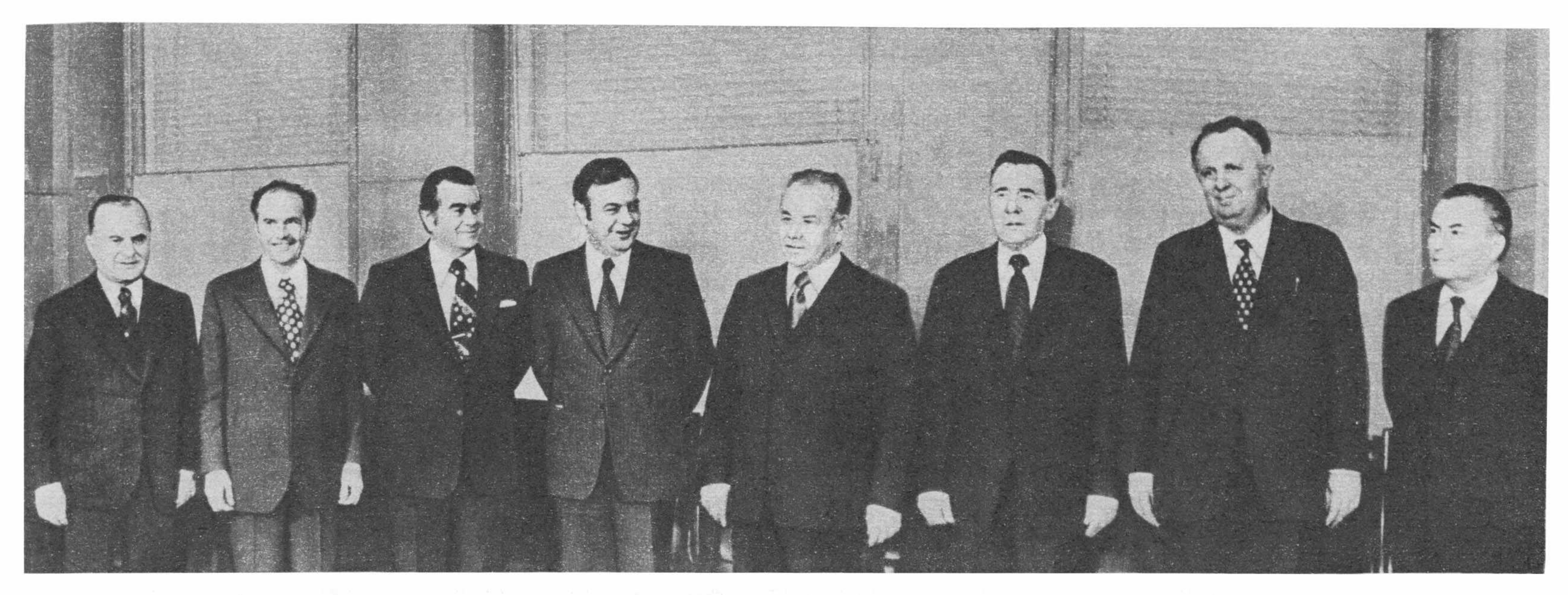
Телефото спец. корр. ТАСС В. Егорова

писанной Л. И. Брежневым и Ф. Кастро в 1974 году в Гаване.

Во встрече, проходившей в сердечной, дружеской обстановке, с советской стороны приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романов и секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

В ходе работы съезд единогласно принял резолюцию по программной платформе партии. С огромным воодушевлением были приняты также резолюции, одобряющие проект новой Конституции социалистической Кубы, новое политико-административное деление страны, создание органов народной власти на всей кубинской территории. Съезд принял новый Устав Коммунистической партии Кубы.

Во время встречи товарищей А. П. Кириленко и А. А. Громыко с участниками совещания. Фото С. Косырева

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

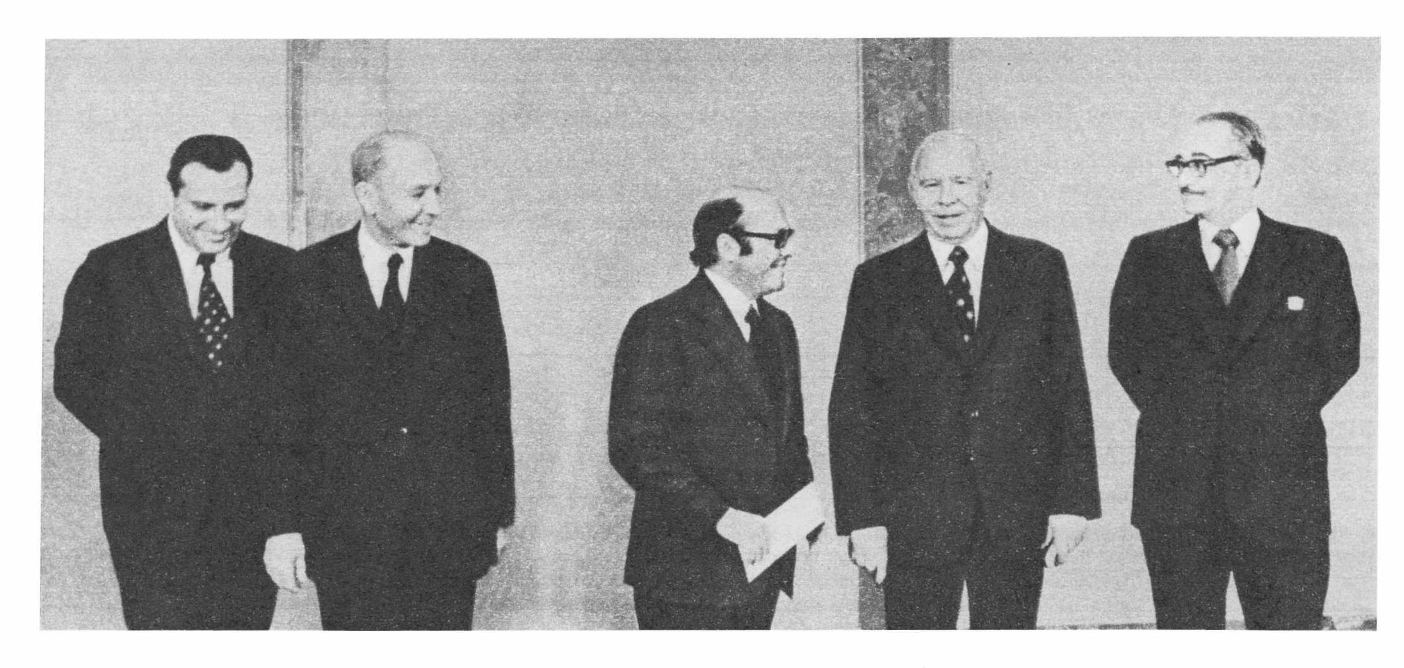
15—16 декабря в Москве состоялось совещание министров иностранных дел Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики.

В совещании участвовали: от НРБ — министр иностранных дел П. Младенов, от ВНР — министр иностранных дел Ф. Пуйя, от ГДР — министр иностранных дел О. Фишер, от ПНР — министр иностранных дел С. Ольшовский, от СРР — министр иностранных дел Дж. Маковеску, от СССР — министр иностранных дел А. А. Громыко, от ЧССР — министр иностранных дел Б. Хнёупек.

Участники совещания провели обмен мнениями по некоторым актуальным вопросам развития международного положения, в том числе обстановки в Европе. Совещание министров иностранных дел НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР прошло в атмосфере дружбы и товарищества.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко и член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко встретились 16 декабря с участниками совещания.

В состоявшейся беседе были затронуты вопросы, связанные с углублением процесса разрядки, в частности в свете итогов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, и с дальнейшим развитием сотрудничества социалистических государств в интересах мира и укрепления позиций социализма на международной арене.

Во время приема.

Фото А. Награльяна

ПРИЕМ У Н. В. ПОДГОРНОГО

18 декабря член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял в Кремле находившегося в Москве по приглашению Советского правительства с официальным визитом министра иностранных дел Венесуэлы Р. Эсковара Салома.

Р. Эсковар Салом передал Н. В. Подгорному приветствие президента Венесуэлы К. Андреса Переса.

В дружественной беседе были затронуты вопросы дальнейшего расширения советско-венесуэльских отношений, а также некоторые международные проблемы.

Н. В. Подгорным и Р. Эсковаром Саломом было отмечено, что имеются благоприятные перспективы для поступательного развития всесторонних и взаимовыгодных связей между нашими странами на благо советского и венесуэльского народов, в интересах международной разрядки. Было подчеркнуто стремление обеих сторон содействовать укреплению всеобщего мира, международной безопасности и плодотворного сотрудничества между государствами.

Наш Взгляд

В ПРЕДДВЕРИИ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОГО

Николай ПОЛЯНОВ

Форум коммунистов в Варшаве и форум коммунистов в Гаване. Жаркие схватки в саваннах Анголы и на баррикадах классовых битв. Мир несет бремя страстей политических и человеческих. В минувшем декабре, как и всегда, он оставался ареной борьбы. Уверенно наступали силы мира и социализма.

На всех языках земли прозвучали слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные недавно в польской столице: «При всей сложности и противоречивости обстановки в современном мире ее доминирующей чертой вот уже на протяжении ряда лет являются разрядка напряженности, утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, развитие взаимовыгодного международного сотрудничества».

Встреча в верхах в Хельсинки стала важнейшей вехой на пути разрядки напряженности. Она очистила политическую атмосферу в Европе и за ее пределами.

Ничего не было бы, однако, опаснее предположения, будто поезд разрядки знает лишь одну улицу — зеленую. Бывает, что колеса наткнутся на завалы. Чем большую скорость развивает поезд разрядки, тем энергичнее действуют те, кто стремится притормозить его бег. Одна из таких попыток была предпринята в середине декабря, в ходе традиционных встреч натовского начальства.

Не станем подробно воспроизводить произнесенные речи и принятые документы. Скажем лишь: отвесив сдержанный поклон в сторону разрядки, высший синклит НАТО тут же занялся излюбленным делом — подстегиванием гонки вооружений. На языке западных дипломатов это называется «наращиванием национальных усилий». Правда, не все хотят наращивать. Такое желание легко понять, если вспомнить об астрономической сумме, которую они уже бросили в ненасытную пасть милитаризации. За последние два года Североатлантический блок израсходовал почти триста миллиардов долларов!

Даже доли этой суммы было бы достаточно, чтобы заткнуть неприятные прорехи в платежных балансах западных стран. Однако в натовских верхах и слышать об этом не хотят. Напротив, там задаются вопросом: как привести в чувство строптивых? Как заставить их раскошелиться? В Брюсселе на это был дан ответ до банальности простой. Председатель военного комитета альянса — английский адмирал сэр Питер Хилл-Нортон, сделав страшные глаза, объявил, что от стран Варшавского Договора исходит, мол, угроза и что поэтому всем пора подойти к окошку кассы. Сэр Питер закончил свою тираду заявлением, что Москва-де хочет «проглотить» чуть ли не весь мир.

Смешно? Увы, оратору и этого показалось мало. Он предложил расширить район действия НАТО за пределы тропика Рака. Ведь там, за чертой тропика, находится Ангола. А адмиралу и его коллегам очень хотелось бы открыто вторгнуться в эту страну. Сэр Питер, как видим, намного превзошел по предприимчивости своего тезку из «Школы злословия». Успеха, однако, он не имел. Датский министр иностранных дел Андерсен дал, со своей стороны, ясно понять, что он против всяких авантюр в Анголе. Если бы мы не оказывали помощь остаткам португальской фашистской диктатуры в этой африканской стране, заметил он, то обстановка там выглядела бы сегодня совершенно по-другому...

Брюссель стал свидетелем и других размолвок в альянсе. Греция и Турция по-прежнему в ссоре. Причина — спор из-за Кипра. Обострился конфликт между Лондоном и Рейкьявиком из-за использования прилегающих к Исландии вод для рыбной ловли. Рейкьявик пригрозил выходом из Атлантического союза, если последний не заставит Англию отступить. Возникли разногласия и по поводу Испании. Когда Вашингтон предложил включить эту страну в НАТО, некоторые члены блока объявили, что и слышать об этом не хотят. Да, склока стала как бы постоянной спутницей атлантического альянса. Но он не утратил от этого своего опасного характера. В штаб-квартире НАТО в Эвере, предместье Брюсселя, по-прежнему пытаются зажечь красный свет на пути разрядки.

Здесь, в Эвере, некий скульптор установил огромную четырехконечную натовскую звезду. По мысли хозяев штаб-квартиры, она должна была сиять в качестве эмблемы нового «священного союза». Но дождь, смешанный со снегом, обошелся с ней сурово. Сейчас звезда напоминает два скрещенных ржавых меча. Сдается, это более подходящая эмблема для блока, у которого не может быть будущего в эпоху материализации разрядки.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик АМН СССР Н. Н. Блохин вручает Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» Р. Гоору (слева).

Фото А. Гостева

БОРЕЦ СРЕДИ БОРЦОВ

— Приходилось ли испытывать чувство страха? — переспросил Раймон Гоор. Каноник отложил в сторону ложку, которой помешивал чай, и, подперев рукой седую голову с высоким крутым лбом, задумался.

Его быстрые, всегда внимательно следящие за собеседником глаза, казалось, утратили всякую связь с окружающей обстановкой и устремились куда-то вдаль, к давно минувшим годам.

Что они видели сейчас? Может быть, черные силуэты «юнкерсов», висевших над позициями его батальона в последнем бою у канала? Может быть, колючую проволоку и сторожевые вышки гитлеровских концлагерей, в которых ему, тогда 32-летнему военному священнику, пришлось лицом к лицу столкнуться с чудовищем под названием «фашизм»?

— Да, страх приходилось испытывать,— прервал Гоор молчание, все еще оставаясь наедине со своими воспоминаниями.— Вот вспомнил случай,— оживился он,— когда мне довелось быть миллионером...

— ???

— Не верите?

Конечно, не верилось. Перед тем как встретиться с каноником, я уже успел запастись основными сведениями о нем. Знал, что Раймон Гоор родился в 1908 году в местечке Шатлино, что его отец был «драгистом», то есть продавцом аптекарских товаров, что было у Раймона шесть братьев и сестер, что до войны он работал учителем математики... Какие уж там миллионы! Я перевел взгляд на его мать, которая, несмотря на свои почти 90 лет, бойко потчевала нас чаем, но она только улыбнулась и не стала вмешиваться в рассказ сына.

— После плена, будучи в движении Сопротивления,— поделился своими воспоминаниями каноник,— я состоял в секретной службе, имевшей кодовое название «Сократ». В ее задачу входило финансовое обеспечение подпольных боевых групп, а также забрасывавшихся из Англии на территорию Бельгии парашютистов. «Сократ» помогал всем, кто скрывался от гестапо, особенно молодежи, от угона на принудительные работы в Германию.

В Шарлеруа Гоор получил задание выехать в Брюссель, встретиться там в условленное время с одним из деятелей Сопротивления, получить от него крупную сумму денег и сразу же возвратиться обратно. Было это незадолго до прихода американских войск в Шарлеруа. Фашисты готовились к отступлению. Все было парализовано. Обычный гражданский транспорт почти не работал. На хлебном фургоне Гоор добрался до города Нивель, разыскал знакомого по плену телеграфиста и попросил его сообщить в Брюссель о своем опоздании. И хотя почта не работала, знакомый проник в контору и отстучал текст телеграммы.

— В Брюсселе,— рассказывает далее Гоор,— мне вручили два миллиона франков. По нынешним временам это почти 10 миллионов. И вот тут-то начались мои страхи. Не за жизнь, а за деньги, в которых крайне нуждались подпольщики и сотни людей, скрывавшихся от фашистов.

На случайно подвернувшемся поезде он добрался до Брандалюра и там застрял. Наступил уже вечер. Оставалось одно — пойти на шоссе за город и там голосовать.

— Скоро передо мной остановился военный немецкий грузовик. Я сказал, что мне нужно в Шарлеруа. Высунувшийся из кабины немец посмотрел на мою одежду священнослужителя и показал рукой на кузов. Я взобрался через борт и оказался среди немецких офицеров и женщин, выезжавших «погулять» в Брюссель. Все они были навеселе и начали приставать с вопросами, почему в столь позднее время я был один на дороге, что за срочность меня гонит в Шарлеруа. Пока я рассказывал какую-то придуманную с ходу историю, машина въехала в Госли, из которого была трамвайная линия в Шарлеруа. Я решил сойти здесь, так как боялся, что на контрольно-пропускном пункте в Шарлеруа меня могут обыскать. Помимо всего прочего, я не хотел въезжать в знакомый город в сопровождении столь малопочетной компании.

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК

19 декабря 1975 года в Центральном музее В. И. Ленина открылась выставка произведений замечательного советского художника Героя Социалистического Труда, президента Академии художеств СССР, народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР,— Николая Васильевича Томского. Выставка открылась в знаменательный для художника день семидесятипятилетия со дня рождения и пятидесятилетия творческой деятельности.

На снимке: Н. В. Томский на открытии выставки. Фото А. Кулешова.

«Вы же говорили, что вам нужно в Шарлеруа»,— насторожился немец в кабине. Душа моя ушла в пятки. Не помню, что и как я объяснял, но, в общем, меня с богом отпустили. В Госли я переночевал у знакомого священника, а утром благополучно доставил деньги в Шарлеруа по назначению. Много разных поручений мне приходилось выполнять в годы Сопротивления, но этот эпизод особенно врезался в память,— улыбнулся Гоор.

...От войны, о которой нельзя было не вспомнить спустя 30 лет после ее окончания, наша беседа перешла к теме о мире, о том, как бывший батальонный священник, а ныне профессор теологии Лувенского католического университета стал известным деятелем движения за европейскую безопасность и сотрудничество, видным борцом за мир во всем мире, как к его орденам Леопольда, ордену Короны и многим другим боевым бельгийским наградам добавились в прошлом году «Золотая медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри, а в этом году — международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Работа каноника Гоора в Бельгии протекает между тремя городами: Шарлеруа, где он занят в профсоюзах, Новым Лувеном, где он каждую среду читает лекции в университете, и, наконец, Брюсселем, где проходят встречи секретариата Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество.

Общественная деятельность каноника выходит далеко за рамки Бельгии и даже Европы. Он принимал активное участие в подготовке и проведении Всемирного конгресса миролюбивых сил, состоявшегося в 1973 году в Москве, возглавлял там одну из ведущих комиссий. Гоор является постоянным наблюдателем в президиуме Всемирного Совета Мира, принимает деятельное участие в работе Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили.

У Гоора много друзей на всех континентах и прежде всего в Европе, где ему была оказана высокая честь председательствовать как на первой, так и на второй Ассамблее общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе.

— Какой вы хотели бы видеть будущую Европу? — спросил я Гоора.

— Прежде всего такой, чтобы с ее политической карты навсегда исчезли фашистские режимы. Я хочу, чтобы Европа как можно быстрее стала континентом мира и сотрудничества, была бы примером для всех других районов нашей планеты. Для этого у нее есть не только материальные, но и духовные предпосылки.

История Европы знала немало кровавых войн,— продолжал каноник.— Но я отвергаю тезисы, будто бы человек человеку — волк, а европейские страны — непримиримые враги. Мы должны их решительно разоблачать как глубоко ложные тезисы. Мир может и должен восторжествовать. Но для этого нужно, чтобы под его знаменами было все больше и больше людей, каких бы социальных, политических и религиозных взглядов они ни придерживались. Пробил час новой Европы, строящей свои отношения на принципах взаимопонимания, равенства, подлинной безопасности и сотрудничества.

Чем завоевал Гоор столь высокий престиж в рядах борцов за мир? Прежде всего тем, что в своей общественной деятельности он умеет искусно, с большим тактом сближать мнения самых различных представителей этого крупнейшего движения нашей эпохи и направлять их к одной общей великой цели.

— Как относятся в университете к присуждению вам международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»? — полюбопытствовал я.

— Подавляющее большинство, во всяком случае, студенты, встретили эту весть одобрительно. В университете знают о моих взглядах и моей деятельности. Однако среди профессоров есть и такие, которые считают, что я зашел слишком далеко... Но дела только начинаются. После того, как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе успешно завершилось, потребуются новые, еще более действенные усилия с тем, чтобы воплотить в жизнь его решения. И так должно быть всегда. Дело мира требует непрестанного движения вперед и только вперед.

Ю. ЯСНЕВ

Брюссель — Шарлеруа.

СЧАСТЬЕ ТИНЫ КОВАЛИУ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, специальный корреспондент «Огонька»

30 декабря 1947 года Румыния была провозглашена народной республикой. В том же году сделала первый шаг в науку героиня этого очерка, ныне один из известнейших медиков Социалистической Республики Румынии.

Снегопад застал жителей Бухареста врасплох. Восемьдесят лет не было в Румынии такой суровой и снежной зимы. Снегоуборочные машины не успевали расчищать улицы. Транспорт запаздывал. Но Тина Ковалиу, как всегда, ровно в семь, свежая, приветливая, в идеально белом халате, перешагнула порог лаборатории.

— Если у нас долгий разговор, встретимся лучше в середине дня,— сказала она.— С семи до десяти у меня анализы в лаборатории, с десяти до двух —обход больных, а с четырех до семи вечера — снова лаборатория.

В два часа дня я поднималась на второй этаж серого массивного здания с лепными украшениями, где находится одна из старейших больниц Бухареста. Мое нетерпение встретиться с профессором медицины Тиной Ковалиу было вполне понятно. Она создала препарат для лечения почечнокаменной болезни. Лекарство назвали в честь создательницы «ковалитином».

Тина Ковалиу встречает меня в своем кабинете. Открытое лицо, прямой взгляд, мягкость движений, изящная женственность располагают к себе.

Я уже знала, что родилась Тина Ковалиу в Крайове, где в первый мирный год закончила гимназию. Девочка часто забегала в лабораторию при больнице, где работала ее мать, а еще раньше — бабушка. Так уж повелось, что женщины в их семье становились химиками, фармацевтами. Тина с детства полюбила таинственное мерцание пробирок, микроскопы, казавшиеся ей чудом. Сюда приходили больные. Мать делала анализы, и ее работа помогала врачу определить болезнь человека.

Нет, конечно, та маленькая лаборатория при городской больнице в Крайове совершенно не похожа на эту, что возглавляет сейчас профессор Тина Ковалиу. Лаборатория на улице Мандинешт оснащена самым современным оборудованием, за консультацией сюда приезжают ведущие ученые. Но заняться медициной Тина Ковалиу решила именно тогда, глядя, как умелые руки матери орудуют с пробирками.

Вопроса, куда идти учиться, для нее не было. В 1947 году Тина поступила на химический факультет Бухарестского университета. Республика предоставляла женщинам равные права с мужчинами. Дипломная работа молодого химика была посвящена влиянию радиации на живую клетку.

— Почему вы выбрали именно эту тему?

— Работа заинтересовала меня тем, что значение ее не только научное, — отвечает профессор. — Борьба с атомной смертью — еще и политическое дело, связанное с борьбой за мир.

На столе лежит толстая пачка медицинских журналов. Вот «Урология» на английском, немецком, французском языках. Я перелистываю страницы — во многих номерах статьи профессора Ковалиу.

— Какая связь между радиацией и почечнокаменной болезнью? Почему вы занялись совсем новой областью? — спрашиваю я.

Профессор несколько минут молчит, в глазах, до этого веселых и внимательных, появляется грустинка.

— Это связано с личными обстоятельствами моей жизни...

И она рассказывает. Это было двадцать лет назад. Она, молодой специалист, только начала работать. Заболела ее мать. Диагноз врачей был беспощаден — рак. Но дочь не сдавалась. Она сама проделала сотни тончайших анализов и пришла к выводу, что диагноз ошибочен: у матери почечнокаменная болезнь. Девушка добилась операции и спасла больную.

Ухаживая за матерью, Тина близко столкнулась с этой болезнью. И дала себе клятву: сколько в ее силах, облегчить страдания больных. Однако лекарство было найдено лишь через двадцать лет. Двадцать лет поиска, опытов, бесконечных анализов. Двадцать лет каждодневного упорного труда как врача, как химика, как фармацевта.

Тина Ковалиу и одна из ее любимых учениц, хирург Адриана Поунару, рассказывают мне о действии нового препарата. Камни формируются вследствие нарушения минералогического обмена в организме. Исследования процессов, связанных с минералогическим обменом, стали темой докторской диссертации Ковалиу. Это был первый этап работы. Второй этап — поиск лекарства, восстанавливающего нарушенный обмен, способного дробить образовавшиеся камни и без боли выводить их из организма.

А вот и коробка с ковалитином. Лекарство делят по номерам. Каждый номер применяют для лечения определенного вида этой болезни.

Профессором Ковалиу получены четыре диплома за открытие нового лекарства. У нее почти 150 научных публикаций.

— Заканчивается Международный год женщины. Что этот год принес лично вам?

— Вылечить человека — счастье. Ковалитин испытан в клиниках и помог восьми тысячам больных. Вот почему этот год был для меня очень счастливым. В Бухаресте фармацевтический завод уже приступил к производству нового препарата.

Конечно, в старой Румынии я не могла и мечтать о такой научной карьере.

Я интересуюсь, есть ли у профессора Ковалиу ученики.

— Их четырнадцать, очень способные, очень преданные медицине и, знаете, почти все женщины. Хотя Международный год женщины заканчивается, не все проблемы еще решены. Главная из них — время, которого ужасно не хватает, особенно нам, женщинам. Ведь мы стали специалистами, общественными деятелями и остались женами и матерями, кстати сказать, от этих обязанностей мы сами не хотим себя освобождать.

Я расспрашиваю Тину Ковалиу о ее семье, детях.

— Детей двое. Сын — школьник, дочь только закончила университет. Ее зовут тоже Тина.

— И она тоже химик, продолжает традицию по женской линии?

— Да, — отвечает Тина-старшая.— И в этом тоже мое счастье. Пожелайте, чтобы оно не покинуло меня и в новом году.

... А снег за окном все падает и падает. Стемнело. Люди спешат с работы домой. В руках у многих коробки с веселыми елочными игрушками. Скоро Новый год. Спешит домой и профессор Ковалиу.

Бухарест — Москва.

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ СОВЕТСКОМУ АКАДЕМИКУ

В актовом зале крупнейшего университета Японии «Токай Дайгаку» в городе Хирацука в ноябре состоялась церемония присвоения званий почетного профессора и почетного доктора университета академику АН СССР Николаю Николаевичу Некрасову.

Торжественно вручив советскому академику дипломы и медали почетного профессора и почетного доктора, ректор университета профессор Сигэеси Мацумаэ заявил: «Университет «Токай Дайгаку» высоко оценивает многочисленные научные работы академика Николая Некрасова. В частности, его научные работы по вопросам размещения производительных сил, освоения и использования природных ресурсов вносят огромный вклад в развитие советской экономики, а недавно выпущенная в Японии его работа «Проблемы сибирского комплекса» дает полезные практические советы для развития японо-советских экономических отношений».

Академик Некрасов часто посещал университет «Токай Дайгаку» и выступал с интересными и содержательными лекциями перед профессурой и студентами, чем внес огромный вклад в совершенствование процесса обучения студентов».

В ответной речи Николай Николаевич Некрасов выразил сердечную благодарность научному руководству университета и лично ректору Сигэеси Мацумаэ за присвоение почетных званий.

«За последние 10 лет сделано очень много для укрепления и развития взаимовыгодных экономических отношений между Советским Союзом и Японией. Немалый вклад в это важное дело вносят ученые двух стран. Хочу выразить надежду, что плодотворное сотрудничество ученых наших стран в деле укрепления экономического сотрудничества и взаимопонимания будет все более укрепляться и расширяться и в будущем».

В. ДОМРАЧЕВ (АПН)

Токио.

На снимке: ректор университета «Токай Дайгаку» профессор Сигэеси Мацумаэ поздравляет академика Некрасова с присвоением ему званий почетного профессора и почетного доктора университета «Токай Дайгаку».

Фото автора.

ПЯТИЛЕТКА ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Б. М. ВОРОБЬЕВ,
токарь Кировского завода,
заместитель Председателя
Верховного Совета РСФСР,
Герой Социалистического Труда

Признаюсь честно: я не мастер говорить речи перед большой аудиторией. Но у нас уж так заведено — встречая Новый год, провожать добрым словом год уходящий. Скажу, что думаю, что лежит на сердце. Тем более провожаем мы не просто 1975 год сам по себе, а вместе с ним целую пятилетку, пятилетку великих свершений. Раздумывая о них, хочется прежде всего сказать спасибо партии, ее ленинскому ЦК, Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым за их настойчивость в борьбе за осуществление Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС. И тут я не могу не вспомнить Заключительный акт, подписанный на состоявшемся в финской столице Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Для каждого разумного и честного человека, где бы он ни жил, важно, что многолетняя последовательная, упорная борьба нашей партии и правительства, всего социалистического содружества за разрядку напряженности, за утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем создала наконец реальные возможности двигаться по пути мира и международной безопасности. Правда, за рубежами нашей страны есть люди, которые толкуют Заключительный акт так, как им выгодно: мол, Советский Союз, добиваясь мира и неизменности послевоенных границ в Европе, должен сделать односторонние уступки Западу в своих внутренних делах, например... разрешить свободное распространение у нас враждебной пропаганды. Так вот, этим противникам разрядки напряженности я бы хотел посоветовать: оставьте, господа, ваши потуги!

Я потому начал с совещания в Хельсинки, что для советского народа всегда самым важным делом был мир: чтобы силы войны не мешали трудовым людям строить жизнь, растить детей. Был бы прочный мир на Земле, а мы уж все, что намечаем сделать, сделаем.

Поглядите, сколько совершено за тридцать послевоенных мирных лет. Нет, этого всего не то что перечислить — умом охватить нельзя. За одну лишь девятую пятилетку капитальных вложений сделано пятьсот миллиардов рублей! Ведь такие великолепные, оснащенные современной техникой предприятия, как наша Ленинградская атомная электростанция, могут создаваться только в условиях мирной жизни. И многие сотни тысяч новых домов — 544 миллиона квадратных метров благоустроенного жилья,— построенных в нашей стране за пятилетку, можно дать людям лишь в мирные годы. Подчеркиваю — в мирные!

Вот об этом жилье, о почти трехстах миллионах тонн минеральных удобрений, о десятках тысяч километров трубопроводов, о Байкало-Амурской магистрали, о тысяче других больших и маленьких строек и дел, которые начаты в уходящем пятилетии, раздумываешь в канун Нового года. Вон сколько мы успели сделать!

Обстраивается наш с вами огромный, в одну шестую часть суши советский дом. И жить в этом доме стало лучше, интереснее. Таков он, ленинский курс нашей партии: все для блага человека! И с курса этого никто нашу партию не собьет. В новом программном документе четко сказано: «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства».

Рубежи намечены высокие — ленивым таких не взять. Да к тому же каждый советский гражданин, кто бы он ни был — рабочий, колхозник, ученый, служащий,— должен иметь в виду одно важнейшее обстоятельство: наступающая пятилетка будет пятилеткой эффективности и качества. Если есть у человека честь и совесть, он не сможет работать спустя рукава, по принципу «абы как». Ведь речь идет не только о качестве продукции, но и о качестве всей нашей работы.

И тут мне хочется сказать самое душевное, доброе слово о тех тружениках, на которых равняются другие. А у нас есть на кого равняться.

Имен, которые узнала страна за девятую пятилетку, не счесть. Скажу о тех, с кем работаю сам. Мы делаем тракторы. Мои товарищи — бригадир слесарей-сборщиков Константин Васильевич Говорушин и водитель-испытатель Юрий Степанович Антонов заслужили своей работой звание Героев Социалистического Труда. Они сами хорошо трудятся и хотят, чтобы все другие знали и умели не меньше. Они наставники молодых — заботятся, чтобы за спиной у них была надежная смена, такие труженики, как, например, токарь Валентин Константинович Белоконь. С такими товарищами можно уверенно выполнить намеченное нам задание.

Все зависит от нас самих. Добрые хозяева не живут по народной присказке «понедельник — похмельник». На раскачку времени нет, да и не имеем мы на нее права, потому что девятая пятилетка по достигнутым результатам является лучшей пятилеткой страны. Читал я проект Центрального Комитета партии к XXV съезду, проект основных направлений развития советской экономики в десятой пятилетке, подчеркивал цифры в разных разделах этого документа, и невольно приходила мысль: сколько же труда понадобится, чтобы все это осуществить!

Вдумайтесь, например, в такую цифру: увеличить среднегодовой объем производства продукции сельского хозяйства по сравнению с предыдущим пятилетием на 14—17 процентов. Сколько для этого потребуется новых творческих усилий! И, конечно же, наших усилий, тракторостроителей...

За пятилетие предстоит электрифицировать две с половиной тысячи километров железнодорожных линий. Шутка сказать! Лишь на электронной машине можно вычислить, какое количество тонн высококачественной стали для рельсов и меди для контактных проводов понадобится выплавить и прокатать нашим металлургам.

А что значит довести к 1980 году в Российской Федерации добычу нефти, включая газовый конденсат, до 545—555 миллионов тонн? В какие затраты труда это обойдется и как эти затраты можно выразить?

Нет, тут всякое воображение отказывает. Над всеми этими цифрами надо размышлять глубоко, их не осмыслишь с наскоку. За каждой цифрой — широченные горизонты, небывало крупные масштабы хозяйственного и культурного строительства, неуклонного повышения нашего благосостояния.

...Мы прожили под алым стягом Советов 58 лет. Ни один из пятидесяти восьми прожитых нами годов не выдавался безмятежно-легким. Но и ни один не прошел впустую, ни об одном мы не скажем: с календаря долой — из сердца вон. Каждый год приносил нам свои радости и свершения. А что до легкой жизни, то трудящийся человек потому и есть трудящийся, что он ее не ищет. Жизнь полная, насыщенная — другое дело. Да и нельзя иначе в стране, где интересы общества и каждого человека органично сливаются в твердом сплаве.

Вот с какими мыслями провожаем мы последний год девятой пятилетки.

Что ж, становись в строй ветеранов, отслуживших честно службу, год 1975-й. Спасибо за все, чем ты нас одарил.

Здравствуй, год грядущий, молодой! Много больших, трудных дел пришло с тобой к нам. Справимся ли? Отвечу словами Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева:

«Мы знаем, что добьемся всего, к чему стремимся, успешно решим задачи, которые перед собой ставим. Залогом этого были, есть и будут творческий гений советского народа, его самоотверженность, его сплоченность вокруг своей Коммунистической партии, неуклонно идущей ленинским курсом».

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ТОВАРИЩ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

Портрет работы Ильи Глазунова

Н. Жуков. ВЕСЕЛАЯ ЗИМА.

«ОГОНЕК» НА БАМЕ

ЧЕМ ЖИВЕШЬ, «ЮНОСТЬ»?

К. Н. Шестак у себя дома.
Фото Г. Копосова.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Когда Капитолина Николаевна согласилась с очередным и, как всегда, безоговорочным решением своего мужа — переехать из Братска в Тынду, где ему предстояло наладить выпуск газеты «Байкало-Амурская магистраль», она в первую очередь принялась укладывать в ящики главное свое богатство — книги...

— Без книг жизнь как-то не получается,— объясняет Капа коротко. Вообще, как всякая коренная сибирячка, она не словоохотлива, и я только от многих активистов клуба «Юность», молодых ребят, которые проводят там время, свободное от их основной работы, узнаю, что это за человек — Капитолина Николаевна Шестак, инструктор по культработе. Строители между собой называют ее «Капа-министр-культуры», но еще чаще просто Капелька; она самый большой их друг и советчик.

Капа Шестак принадлежит к числу тех редких людей, вокруг которых обычно сразу же возникает какой-то свой, особый мир, покоряющий других задушевностью. Трудно выразить эту человеческую особенность словами: они покажутся надуманными, выспренними. Но все равно безошибочно чувствуешь в человеке, что самое сердце его есть как бы своеобразный источник света и тепла, необходимый людям в условиях БАМа, как, пожалуй, нигде.

Благодаря усилиям Капитолины Шестак клуб «Юность» стал родным домом всех романтиков — всех тех, кто приехал на БАМ не за длинным рублем, а в поисках большого, благородного дела, требующего полной самоотдачи.

Человек настоящий, встречаясь с трудностями, преодолевая их, начинает чувствовать уважение к себе, обретает уверенность в своих силах и, конечно, думает о завтрашнем дне.

...В первое время у них была только гитара да еще баян, это теперь они располагают первоклассным джазом и всеми необходимыми инструментами, а тогда начинали, как говорится, с нуля...

Первое время налаживали душевные контакты. Прокладывая БАМ, искали пути друг к другу, устанавливали те живые связи, без которых нет коллектива.

Вот тут-то и понадобились песни под гитару, под баян, сложенные романтиками «Юности». Песни и радостные, и грустные, и смешные, заставлявшие людей становиться не просто сильнее трудностей, но, что гораздо важней, быть веселее трудностей.

— Нытиков, если они здесь окажутся, не будем уговаривать,— так решила агитбригада «Юности».

Над нытиками надо смеяться. И тогда был создан сатирический «Тупик проходимцев».

Их высмеивали, этих проходимцев, беспощадно. Над ними издевались откровенно, доводя их «идеалы» до гротеска, преувеличивая насмешливо их убогие «стремления», потребительские «мечты»:

«Чтобы рельсы класть под джаз —
это раз!
Чтоб в тайге росла халва —
это два.
Час работай, два кури —
это три.
Чтоб с удобствами квартира —
это, стало быть, четыре...
И чтоб знать,
за что «пахать»,—
это пять...»

...Дилемма была предельно проста: либо меняй свое отношение к жизни, к людям, к окружающему, делай себя заново, либо уезжай, не порти настроение коллективу. Но уехавших было мало.

На БАМе ведь есть с кого брать пример. Здесь среди старших немало таких людей, которые давно стали героями легендарными. Их именами, быть может, будут названы улицы, когда Тында из поселка превратится в город.

В клубе «Юность» их видят, их знают, по ним равняются, оценивая душевные качества строителей магистрали:

«Неважно, сколько лет ты
прожил,
А сколько сам себе даешь!
Куда важнее, что ты можешь,
И кто ты есть,
И чем живешь...»

Безупречная надежность, верность слову, единожды принятому решению — вот по каким нравственным показателям прежде всего отбираются новые активисты в самодеятельные ансамбли «Юности», проверяются дарования. Здесь верят, и справедливо, что какие-то способности всегда можно найти почти у каждого человека. Но еще обязательно нужно умение сблизиться с людьми! И вот эти-то таланты, эти скрытые особенности своих активистов Капа Шестак ценит всего дороже. Да она и сама человек точно той же породы: надежный и твердый, несмотря на внешнюю хрупкость, ранимость.

Не сразу, по словечку, узнала я от нее, как складывались их давние с Иваном Михайловичем Шестаком отношения. Шестак-то хоть и не сибиряк, но, пожалуй, не более словоохотлив, чем его жена. Впервые встретились они в Братске еще в 1958 году, когда Капа была школьницей, училась в десятом классе, а комсомолец Иван Шестак приехал в Братск на строительство ГЭС; перед этим он поднимал целину.

В 1964 году они поженились... Но и теперь, когда на них глядишь, они вовсе не отвечают нашему представлению о людях, давно женатых. Гораздо больше похоже, что все еще остаются они женихом и невестой. И уж совсем трудно догадаться, кто из них главный в их союзе. Может быть, здесь тот редкий случай, когда «оба главнее». Они находят друг в друге необходимую для каждого из них обстоятельность души.

Так ведь это и понятно! Та, не знающая конца работа по строительству культуры, которая стала специальностью Капитолины Николаевны, как и несомненное журналистское, литературное призвание ее мужа, Ивана Михайловича Шестака,— они столь взаимосвязаны, что никакие водоразделы тут тоже невозможны.

Правда, иногда бывают минуты, когда Капа ловит себя на том, что хотела бы стать, как ее мама, учительницей.

— Думаю, что я работала бы не хуже!— признается моя собеседница.

— Так за чем же дело стало? Учителей не хватает на БАМе...

— Не могу бросить «Юность»,— помолчав, отвечает «министр культуры» Капа Шестак.— Слишком много сюда вложено...

Работа с детьми, разумеется, ведется и в стенах «Юности». Среди многих «взрослых» творческих коллективов здесь есть еще и весьма популярный детский клуб. Старшие ребята ведут постоянное дежурство, собирая малышей всех возрастов, пока папы и мамы смотрят новые фильмы... Дети рисуют, лепят, поют, танцуют... А некоторые сочиняют сказки и стихи, в чем-то даже уподобляясь порою участникам «взрослого» литературного объединения, которым руководит в «Юности» Иван Шестак.

Замыслы «Юности» поистине неистощимы. Здесь, например, задумали создать кукольный театр; ждут ответа на свое письмо, посланное Сергею Владимировичу Образцову: кукольникам-любителям нужен совет, нужна консультация... Короче, нужно шефство.

«Выдумки» только в том случае не имеют значения, если за ними не следует практическое осуществление. А здесь все подхватывают с полуслова, на лету. Приезжайте, выдумывайте, творите!.. Только, будьте добры, умейте крепко держать свое слово.

СВЕТ СЧАСТЛИВЫЙ

«Чем пахнет детство? Летом, солнцем, ягодой, веселой грозой, степными травами. Мало у человека зимних воспоминаний о детстве: зимы ему хватает во взрослой жизни».

Слова эти хорошо передают общий тон книги Анатолия Соболева, почти все рассказы которой пронизаны счастливым светом тех бесконечно дорогих дней. Но судьбы многих ее героев впоследствии опалила война, поэтому в рассказах о самой счастливой поре жизни человека нет-нет и зазвучит тревожная нота.

Вот слушают мальчишки в ночном деда Савостия, вспоминающего о гражданской войне, завидуют ее героям «и не ведают, что предстоит им воевать в самой жестокой из войн... будут биться насмерть с лютым врагом, который захочет отобрать вот это поле, это озеро, эту тишину, и двое из сидящих сейчас у костра останутся лежать в чужой земле, вдали от родимых мест».

Анатолий Соболев — писатель лиричный. Живой образный язык его прозы придает особую достоверность лучшим рассказам книги: «Прекрасная птица селезень», «Такой длинный-длинный день», «Ярославна», «Звенит в ночи луна».

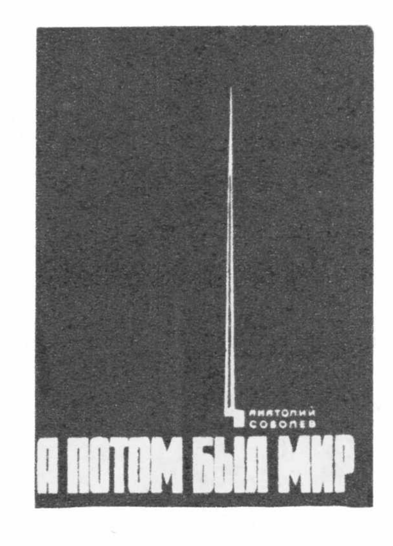
Тридцатые годы — годы коллективизации, первых пятилеток, значительных международных событий, а для главного героя многих рассказов А. Соболева Данилки — это годы детства. У него свои права. Свое восприятие мира, таинственного, заманчивого и прекрасного.

Данилке семь лет. Отец впервые взял его на охоту. И мальчонка засобирался ни свет ни заря, в доме еще спали... На перелете отец ранил селезня. И малышу стало жаль эту прекрасную птицу. Стало стыдно за себя и отца, что подманивали они ее то разжиревшей ленивой кряквой, то дурацкими чучелами и, наконец, убили. Так ожидание чего-то необыкновенного сменилось в мальчишеской душе горьким разочарованием. И Данилка никогда теперь уж не забудет, как остановилось у него в ладонях сердце обманутой вольной птицы.

Рассказы, где автор бережно исследует детское, чистое чувство любви ко всему живому в мире, в которых рисует психологически точный образ Данилки и его юных друзей, слагаются в интересную книгу о детстве. А завершенность ей придают две небольшие повести — «Ночная радуга» и «Тополиный снег», в которых писатель попытался постичь истоки мужества и любви к родной земле русского народа, не раз поражавшего мир и заставившего «пристально вглядеться в такую таинственную и непостижимую для всех Россию».

В. АНДРЕЕВ

Анатолий Соболев. А потом был мир. Калининградское книжное издательство, 1975, 336 стр.

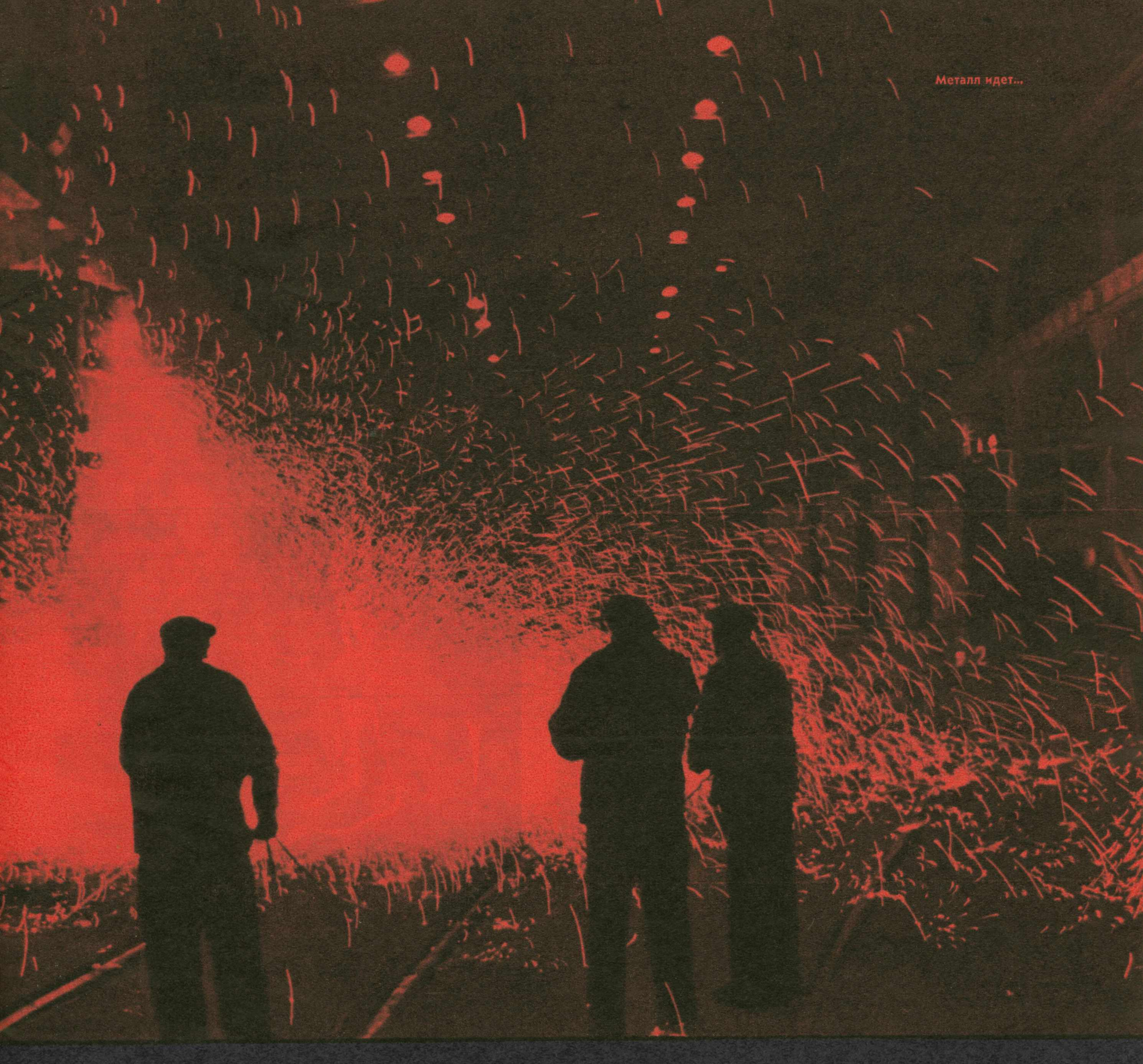

Сталевар Виктор Клюев.

Николай РОДИЧЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Металл идет...

1

От героя и при обыденных его занятиях ждут чего-нибудь блистательного, броского. Ищут это самое героическое в его словах, осанке, в походке. Если не обнаруживают ничего достойного удивления, бывает, разводят руками: «Простой человек, как все!» Эти раздумья родились в часы бесед с Виктором Владимировичем Клюевым, сталеваром дважды орденоносного московского завода «Серп и молот».

Клюеву везло начиная с внешнего вида. Он широкогруд и крепок. Его охотно снимают корреспонденты. Лицо сталевара грубоватое, смуглое от профессионального загара, которому не бывает износа в самые лютые зимы. Под темной бровью, не однажды опаленной, закурчавившейся по краям, глаза его красивы мягким озёрным светом. На лице поигрывает готовая птицей вспорхнуть, щедрая крупнозубая улыбка.

Разговор Клюева тоже мягок, раскатист, сам он точен в словах, по-рабочему смел, со смешинкой. Сердитым этого человека видеть не приходилось, но, говорят, случается.

Виктор был старшим в многодетной семье мастерового, слесаря Владимира Васильевича и разнорабочей Варвары Ивановны. Первым из ребятни на Самотеке Виктор Клюев попал в предвоенный год в только что открывшееся ремесленное училище.

Грянула война. Опять на зависть ровесникам Виктор первым оказался в строю, теперь — военном.

ТЕБЯ, СЫН!

герои нашего времени

Училище эвакуировали. Пешком уводили старшие московских подростков в Горьковскую область. По-взрослому простился Клюев с приятелем своим, Мишей Игнатовым, напарником по игре в футбол.

На войне попал в артиллерию. Не сразу стал наводчиком. Был подносчиком снарядов, заряжающим... Вместе с расчетом, потеряв немало друзей, дошел до Вены. Не раз приходилось длинноствольную пушку и на руках таскать на позиции. На передовой ставили ее ближе к противнику, для стрельбы прямой наводкой. Медаль «За отвагу», еще такая же! А звание — рядовой. Так и домой явился спустя год после Победы. Можно было и раньше. Не однажды после боя штабные писари объявляли перед строем: «Кто из учителей, железнодорожников, сталеваров? Выходи, сейчас в тылу нужнее!» Молчал Виктор, опускал глаза. В расчете знали, что Клюев из столицы, заводской парень. Москвичом иногда окликали. Потянись за писарем, что о тебе батарейцы подумают? Нет уж, потерпим!

Ранение, еще ранение. Отлежится Клюев в госпитале и вдогон своей части.

— Страшно было? — спросил как-то Мишка Игнатов о войне.

Не кому-нибудь, другу вопрос задал. Не соврет Клюев. С детства так у них. Виктор без лишних слов кивнул.

— Когда снаряды на исходе, а танки все прут — боязно...

Мишка понял друга и тоже сознался:

— И нам страшно было, если металл не из чего варить. Так и говорили на летучках: не дадим металла — нечем будет гитлерюгам глотку на фронте заткнуть. О тебе вспоминал я.

Их часто видели вдвоем: у проходной, в цехе, на рыбалке.

2

«Вот уже свыше четверти века вижу эту картину, и всякий раз она по-своему волнует, наполняет сердце радостью. Течет огненная река, разлетаются горячие брызги, а рядом те, кому подвластна эта гордая стихия,— сталевары в спецовках, с красными от жара лицами и сильными, умелыми руками».

(Из записок Героя Социалистического Труда В. В. Клюева).

...Печь номер четыре, у которой стоит Клюев, крайняя в ряду. Если бы не мелкие пристройки, впрочем, не заслоняющие от пронырливых ветров, прямо от печи открывался бы вид на заводское подворье. А там стоят платформы с изложницами охладевающего металла. Летом этот жар на колесах прибавляет в цехе температуры, зимой от мороза стынут уши, в то время когда щеки в огне.

По крутой железной лесенке в цех со двора цепочками поднимаются экскурсанты. Они робко толпятся вокруг старшего, как правило, кого-либо из заводских, знающих мартен. Слушают, ежась от яркого света и непривычного гула. Идут школьники, студенты, военные. К удивленным их взглядам и наивным вопросам привык Клюев.

Как-то от группы экскурсантов, не молодых возрастом, отошел, близясь бочком к Клюеву, человек с кожаным портфелем. Наклонился к плечу сталевара, полагая, что здесь надо кричать, чтобы услышали.

— Сами выбрали профессию или нужда заставила? — спросил экскурсант.

— Нужда! — принял шутку Клюев.— Металл стране нужен. Много и разного.

— Как платят?

— Приходилось и золотом получать... Но чаще — обыкновенными рублями.

— Что вам нравится еще, кроме этой вашей работы?

— Рыбу ловлю! — прокричал ему в тон Клюев, открывая рукояткой пневмосистемы задвижку завалочного окна.

Три года назад на «Серпе и молоте» были гости — сталевары из разных городов. Плавка совместная да и весь тот день, памятный, удались на славу, но Клюев озабоченно поглядывал по сторонам и, когда сталь пошла, стал искать глазами кого-то.

— Сашка чего-то задержался,— тихо проговорил он.

Сашка — это Александр Николаевич Поздняков, давний дружок Клюева с волгоградского «Красного Октября». Соревнуются столичные сталевары с волжанами, а Клюев — с Поздняковым.

3

«Работать хорошо может только хороший человек».

(Из суждений В. В. Клюева о призвании.)

Второй час идет завалка шихты в печь, и Клюев, выбритый, с чуть зарумянившимся лицом после кружки крепкого чая, почти не отходит от пульта управления. Тылы мартена обеспечивает первый подручный Лев Спиридонов. Он лишь изредка появляется у капитанского мостика сталевара, чтобы перекинуться с Клюевым словом, получить от старшего «добро».

Перед печью передвигается, подрагивает всем корпусом, вращается, поводя длинным хоботом, завалочная машина. Мартен высок, под стать кормящей ее машине, он горяч, дышит, будто живой, выбрасывает оранжевые языки пламени. Огонь лижет щиток, за которым укрылся от этих жарких «нежностей» человек. В считанные секунды, пока машинист разглядит нужное ему место в кутерьме огня, хобот машины становится багровым, на нем звездочками мерцает окалина...

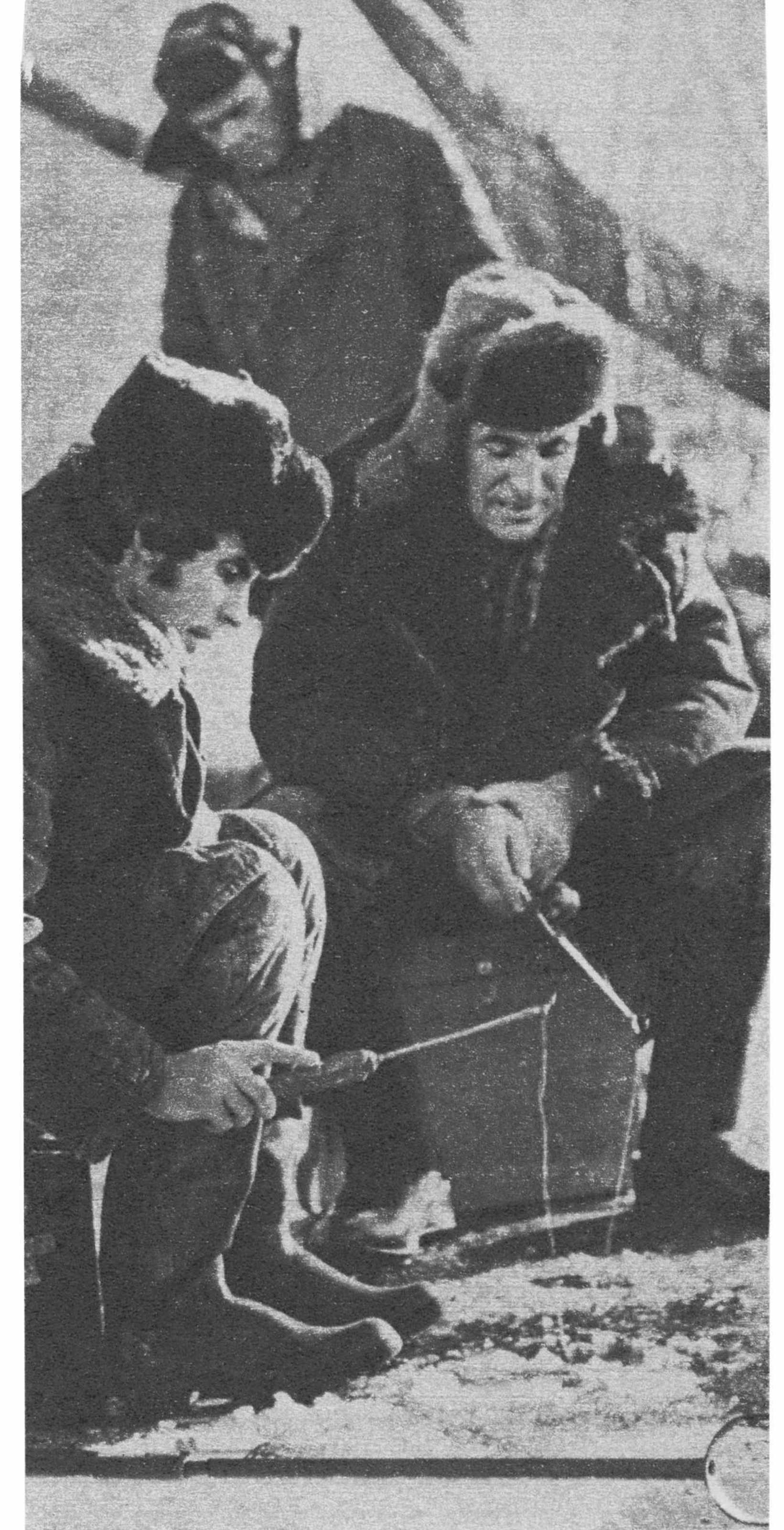
— Миша!.. Дай середку! — привычно окликает машиниста Клюев.

Подача, еще подача... Что-то сработано не так. На этот раз Клюев дал промашку, замедлил, что ли? На секунду позже прикрыл завалочное окно или открыл раньше, передержав тем самым машиниста в жару?

Миша — тот самый ровесник из довоенного ремесленного. Левый крайний футбольной команды училища. Теперь Михаил Петрович Игнатов. Как-то не успели перейти в обращении друг к другу на имена-отчества: «Миша, дай пас!..», «Миша, дай середку...», «Приходи на свадьбу сына», «Витя, смотри, на пенсию раньше меня не оформляйся! Если в цех пришли порознь, на отдых — вместе», «Поработаем еще, Миша!».

— Миша, в крайнюю дай!

А дальше плавка. Все собрано, на пределе: мысль, нервы. Каждый раз новое. В завалке, плавке, в высшей точке кипения. Не догляди машинист, что там приготовили на погрузочном дворе в скрутках железа, угоди по чьей-то оплошности в печь кусок свинца или сплава — пошла вся работа

С сыном на рыбалке.

Внучка Оля выучила новый танец.

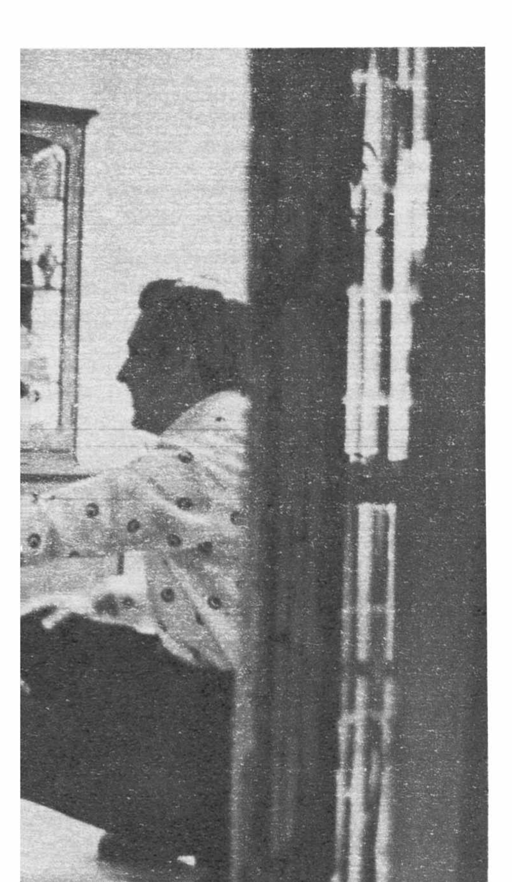

После выступления на заводской партийной конференции.

У депутата В. В. Клюева и председателя Ждановского райисполкома В. Г. Гаврилова много общих забот.

наперекос, получай не то, что ждали. Не говоря уже о тепловом режиме. Сколько его ни определяли ученые знатоки, как ни подступались с расчетами, сталевар этот режим создает по-своему. Любая печь, как ни веди кладку сводов и пода, истинный нрав покажет лишь во время плавки. Характер на характер, огонь человеческой души на огонь стихии!

Приставив к глазам щиток, Клюев вглядывается в смотровое окошко. Позолоченная ванна в солнечных лучах, а сверху в квадратную посудину падают вроде бы капли влаги, затейливо взъерошивая поверхность всплесками... Совсем как на реке в минуты слепого дождя, когда все вокруг озарено полуденным солнцем.

4

«Вспоминаю свою мать. Она была труженица. Она своей жизнью учила детей труду, учила не место подыскивать, а дело».
(Из автобиографии В. В. Клюева.)

В предыдущей пятилетке рабочее дарование Клюева пришло к расцвету. Сначала отметили орденом Ленина... Здесь же, в цехе, проголосовали за его кандидатуру в депутаты Верховного Совета страны. Запомнился день выборов. К кадровому рабочему из литейного цеха подошел человек с блокнотом:

— Что можете сказать о своем кандидате?

— Знаем Клюева с трудового его малолетства,— отозвался Михаил Гаврилович Гусаров. И, обернувшись к взволнованному Клюеву — он стоял неподалеку,— предупредил: — А тебя, Виктор, если задерешь нос выше мартена,— прокатим!

Прошли годы. И снова выборы. И снова кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР оказался все тот же Клюев.

Не просто было Виктору Владимировичу освоиться с новыми для него обязанностями депутата. Нервничал поначалу. Все казалось, что кому-то за него придется в цехе «вкалывать». И в самом деле, привалило забот подручным, когда оставались без вожака. То сессия, то прием избирателей. Здесь следует отметить: выручал Лев Спиридонов. Это сейчас ему тридцать пять и глаз наметан. Любую плавку поведет локоть в локоть с мастерами. А был помоложе и не так горазд, как сегодня. Старались парни, наставника своего без нужды не тревожили. Да и чего колготиться, если Виктор Владимирович и сам, бывая где-то по делам общественным, то и дело на часы поглядывал, прикидывал в уме, что там у печи: завалка кончилась или ведут расплав? В перерывах между заседаниями спешил в фойе, звонил в лабораторию: выдерживается ли марка по заказу? В цех придет — шарит глазами по доске показателей за последние сутки. Досадовал на себя по привычке, если напротив своей фамилии видел спад, если не ладилось что-то у парней.

Наваливались на печь скопом в другую смену.

— Тебе бы только стоять рядом, Владимирович! — успокаивали подручные.— Мы по твоему лицу догадаемся, что в печи творится.

А год от года Клюева все чаще призывали дальние края. Дороги выпадали — не ближний свет. Приходилось становиться к печам в Волгограде, на Магнитке и в Макеевке — делился опытом и сам учился. Теперь путь уводил и за рубеж. Как-то на межпарламентском симпозиуме в Риме к Клюеву подошел галантный господин.

— Синьор Клюев! — обратился он, уставившись на депутатский значок сталевара.— Нам известно то, что вы можете как рабочий. Но если вас не затруднит мой вопрос, то, пожалуйста, объясните, что вы можете как член парламента своей страны?

Клюев перед поездкой в Италию отчитывался перед избирателями Калининского района столицы. И сейчас перечислил всего лишь несколько дел, которые либо начаты были по его инициативе, при подсказке рабочих, либо завершены с непосредственным участием депутата. Иностранец не скрыл своего удивления и буквально повторял вслед за переводчиком:

— По вашему предложению построена новая школа в рабочем районе?.. Открыты два детских садика?.. Благоустроен парк?.. Улучшена работа транспортной линии? Приняли от строителей новую столовую? Трудно поверить, но предположим, что все это правда. А можете ли вы, синьор Клюев, по своему желанию, по депутатской необходимости зайти, скажем, к министру? Он вас выслушает? Были случаи?

Дремучий, видно, попался господин. Такого не сразу выведешь из тумана заблуждений, да и надо ли? Клюев знал, что по поводу полномочий наших народных депутатов всякие «спецы» на Западе смакуют одну небылицу за другой. И тут же рассказал о недавней встрече с министром Иваном Павловичем Казанцом. Собрались лучшие сталевары, участники «Плавки дружбы». Беседовали тогда они долго, доверительно, открыто. Министр советовался со сталеварами как с ближайшими помощниками.

Вернемся, однако, в нынешние времена. В тот же цех, к четвертой печи.

Молодой, тонкий в кости парень, затянутый в спецовку, разговаривает с Виктором Владимировичем у пульта печи номер четыре. Говорят оба торопливо, громко. Со стороны кажется — спорят. Несколько минут назад парень этот орудовал у средних печей грабаркой, подбирая рассыпавшуюся при завалке шихту. Теперь, видимо, появилась у него потребность поговорить о чем-то с Клюевым...

Николай Семенович Меркушин, пожилой рабочий, с резкими складками на скуластом добром лице, глянул в сторону беседующих.

— Сынок Клюева, Юрка,— сказал он о парне.— В одной смене с отцом, а при печах наразно. Только это не полный сбор Клюевых. Двое братьев Виктора Владимировича у нас здесь, младшие. Владимир и Евгений. И племянник Аркадий...

Всегда интересно, почему сын избрал отцово ремесло. Юрий уже три года в мартеновском. Как отслужил в армии — сюда. Почему так случилось?

— Отец как-то привел в цех, еще мальчонкой,— рассказывает Юрий.— Костер большой в железной печи показать обещал. А здесь, как видите, искры брызжут. Ну, одна и запала в самую душу...

5

«В преданиях многих народов с глубокой древности живет такой рассказ: отец протягивает сыну колчан, набитый стрелами, и предлагает переломить пучок стрел. Сколько бы ни старался юноша, ничего не получается. И лишь когда стрелы достают одну за другой, удается их сломать.
— Будь всегда заодно с братьями и друзьями,— поучает отец,— и никакому недругу вас не одолеть».
(Из беседы В. В. Клюева с молодыми москвичами.)

Живут Клюевы на Лефортовском валу. Зеленым полагалось бы именовать этот вал — столько здесь, в призаводском районе, разлапистых тополей, кустарников, сирени в палисадах. Дом пятиэтажный, прежней кладки, кажется высоким. И есть в этом доме квартира... Очень часто раздаются в ней телефонные звонки. Зовут на лекцию в техникум, напоминают о встрече в военном училище, просят не опоздать на очередное заседание парткома:

— Ровно в четырнадцать, во вторник...

— Записала, во вторник...

У домашнего «пульта управления» — Анна Григорьевна, жена. С утра она на службе, экономист, стаж ее трудовой не меньше, чем у супруга. Но по причине многих своих дополнительных домашних обязанностей она оказывается дома у телефона чаще, чем непоседливый Клюев.

От непрестанного тарахтения аппарата на тумбочке у двери можно сорваться, загорячиться. Но Анна Григорьевна — воплощение выдержки и такта. Она даже вздохнет иногда в трубку, сочувствуя незадачливому человеку, опоздавшему со звонком.

— Виктора Владимировича нет дома... Он уехал в Реутово, к другу. Когда вернется? Ждем к десяти... Ничего, звоните.

Как-то гость, знающий толк в бумагах, оглядев записки Виктора Владимировича, статьи о нем самом и его товарищах, сказал:

— Клюев, да здесь материала на добрую книгу! — А потом улыбнулся и сказал: — Но, пожалуй, не поднять литератору пером то, что Клюев ковшом выдал в цехе. Огня здесь много. Обжечься можно.

Клюев улыбнулся:

— Без огонька в душе сталеваров не бывает.

Где есть поэзия в труде, песенная строка родится как бы сама собою. Летопись заводская исподволь складывалась здесь же, на родном заводе. В крылатые строки отливал эту летопись поэт Александр Филатов, знаток истории «Серпа и молота», прежней и новейшей.

Это Александру Филатову принадлежат слова, ставшие теперь привычными для заводского коллектива: «Мы у заставы Ильича живем по Ильичу...»

В прошлом году Клюеву присвоили звание Героя Социалистического Труда, однако он никогда не переставал быть рабочим. Обыкновенным рабочим, сталеваром на своем заводе, у своей печи. Но как непроста эта его внешняя человеческая простота!

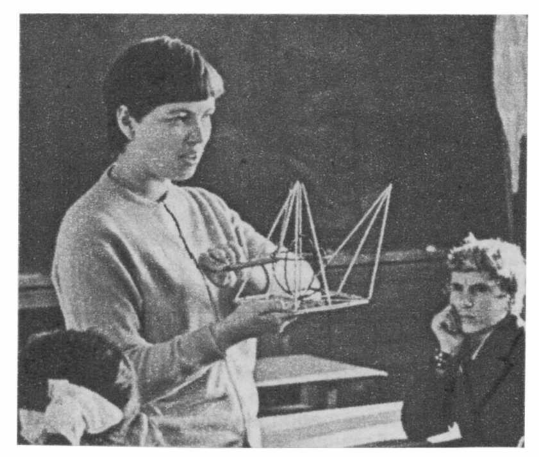
...Прочитав одну из книг о войне, бывший батареец выписал в блокнот захватывающие, пронзительные строки. То было послание бывшего рабочего Александра Головачева, ставшего на войне комбригом:

«Я не допустил ни одного бесчестного поступка на войне. Был всегда там, где жарко. Семь раз ранен, а ран на моем теле уже одиннадцать. Если у меня не будет рук — буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Но пока враг в России — с фронта не уйду!»

Клюев много думал над этими строками, потрясенный открытием: как много созвучного его собственным размышлениям о жизни в этих словах!

— Папа,— спросил сын у Виктора Владимировича.— Для чего ты это выписал?

— Не для чего, а для кого,— ответил Клюев, положив ему руку на плечо.— Для тебя, сын, и для твоих ровесников.

Пять лет твоей жизни

«...А село наше, Козино, старинное, большое. Вокруг него березы белые хороводятся, собираются в рощицы, в колки, по-нашему, а в тех колках летом от цветов пестро, зимой же — царство Берендеево. В селе много молодежи — что в полях, что на фермах, что в школе. Взять хотя бы учительницу нашу, Наташу Михайлову — Наталью Ивановну. Приехала в 1971 году к нам и стала математике в старших классах обучать, а сама с виду совсем девчонка. Но молодо — не зелено. Многие из ее учеников грамоты похвальные получили, а после школы в институты поступили. У вас в журнале появилась рубрика «Пять лет твоей жизни». Так вот, приезжайте, расскажите о пяти годах жизни нашей учительницы...»

Е. БЕКИШЕВА

село Козино, Новосибирская область.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

ПЕРЕД АЛГЕБРОЙ

Звонок словно ветром сдул и неистовых первоклашек и солидных десятиклассников. В школьных коридорах стало тихо, и в этой тишине состоялся наш диалог с директором школы Алексеем Александровичем Медведевым.

— Мне хотелось бы встретиться с учительницей математики Михайловой,— сказал я.

— У нас такой нет,— улыбнулся директор.

— Как же так?

— Клинк теперь ее фамилия, после того, как она вышла замуж в Берлине...

— Где, где?

— В Берлине.

— Она и теперь там? Выходит, зря приехал? — совсем растерялся я.

— Нет, нет,— рассмеялся директор,— Берлином у нас называют часть села... Так вот, муж ее — колхозный сантехник. Кстати, Наталья Ивановна с этого года завуч...

Мы вошли в учительскую, и пока я пытался угадать, кто же тут завуч (как будто эта должность накладывает на человека некую печать), с низкого диванчика поднялась молодая женщина и весело сказала:

— Клинк Наталья Ивановна.

Узнав о цели моего визита, она предложила:

— Через два часа у меня алгебра в десятом. Хотите посидеть?

— Хочу,— ответил я.

Эти два часа до алгебры мы говорили о математике, о школе, о роли учителя, о ней самой. Я посетовал на сложность нынешней школьной программы, а она со мной не согласилась:

— Вот говорят об иных учениках — неспособные, дескать, и программа к тому же сложная. А не путаем ли мы способности с работоспособностью? Программа рассчитана на обычного среднего ученика. Да, да. И в первых классах все с ней справляются, а потом пошло-поехало: один поленился, второй не так настойчив, у третьего замедленная реакция, четвертый приболел. Что же, зачислять сразу в неспособные? Нет, надо потрудиться, заставить каждого увлечься предметом...

Немного погодя, на уроке алгебры, я наблюдал, как она воплощала в жизнь свое кредо. Один парнишка порывался отвечать на каждый ее вопрос. Он явно был в ударе сегодня, но Наталья Ивановна словно не замечала его и вызывала тех, кто, вжимаясь в стул, старался быть самым незаметным в классе,— она мягко и настойчиво заставляла думать всех. Вызвав ученика к доске, просила остальных задавать ему вопросы по теме. Это было похоже на увлекательную игру.

— Судьба моя определилась в десятом классе,— рассказывала Наталья Ивановна, — когда математику нам стал преподавать Владимир Акимович Колпецкий. Он так увлеченно и страстно вел уроки, что буквально влюбил меня в математику. Да и не только меня. После школы я без раздумий поступила в пединститут на математический факультет. Когда шло распределение, я решила, что обязательно поеду в Сибирь. Во-первых, мне много рассказывала о ней мама, она там провела свою молодость. Во-вторых, тогда, пять лет назад, да и сейчас Сибирь была и есть у всех на устах.

Приехала я с чемоданом книг и грандиозными замыслами. Мне казалось, что мой предмет сразу все полюбят без памяти и отвечать будут только на пятерки. Дождь лил проливной, дороги пораскисли, и по этой причине автобус не шел. Что делать? Звоню в Козино, в школу. Наконец появляется «Беларусь» с прицепом. Чемодан на тележку, сама в кабину, и поползли. Стемнело уже, когда приехали. А на другое утро вышло солнышко, грязь куда-то исчезла, и мне тут понравилось...

— Первый урок, наверное, до сих пор помнится? — спросил я.

— Вот и нет. Представьте себе, ничего не помню — ни слов своих, ни действий, ни ответной реакции. Я даже опоздала на урок. Пока успокаивала своих шестиклашек, меня к ним классной руководительницей назначили, зазвенел звонок. Урок у меня был в десятом. Я бегом в учительскую за журналом. Потом в класс, и с порога начала урок...

— Интересно ли вам было жить здесь в эти пять лет?

— Очень. Коллектив у нас прекрасный, слаженный, встретили меня сердечно. Легко и приятно работать.

— А самые яркие впечатления?

— Пожалуй, собственная свадьба. И вот еще что. Когда наши выпускники Костя Красноусов, Люда Бушмакина, Валя Назарова поступили в разные новосибирские институты, математику сдали на пять, я почувствовала глубокое удовлетворение и радость. Значит, труд мой не пропал даром, значит, он нужен этому селу, Родине. Наверное, стоит жить ради этого, правда?

КРА

НАТАЛЬЯ ЖИГАЧ

Фото К. КОРОБОВА

Рано утром зазвонил будильник. Он звонил долго, и я спросонья крикнула: «Телефон! Подойдите кто-нибудь!» В темноте захохотали: «Ну и ну! Ты в Москве, что ли?»

Мне самой стало смешно: откуда здесь может быть телефон — в далеком таймырском поселке Новая? Есть только радиосвязь, пользуясь ею, с почты можно говорить с любым концом страны.

Мои хозяйки зажгли свет и стали собираться на работу. Им в тот день надо было пойти пораньше: приготовить все к утреннику в детском саду, где Павлина Андреевна Кензировская работает заведующей, а Люся Преображенская — воспитательницей. Накануне я была у них в саду на репетиции: малыши старательно читали стихи, пели песни, танцевали. Мне показали их рисунки и фигурки из пластилина и дерева.

— Просто не верится, что это сделано такими малышами, правда?— говорили воспитательницы.— Но учтите, в нашем краю у детей особые способности к рисованию и лепке.

Это прекрасно, когда у детей особые способности. И когда эти способности замечают и стремятся развить.

Мне вспомнилась зональная выставка РСФСР, на которой экспонировалась линогравюра Матюмяку Турдагина «Северная мадонна». Никого из посетителей, разумеется, не удивило, что автор «Мадонны»— художник с Таймыра, нганасанин. И вряд ли кто-нибудь из них подумал о том, что сорок лет назад такой картины просто не могло быть! Как не могло быть и рисунков, которые я рассматривала в детском саду нганасанского поселка Новая.

...Сорок лет назад к нганасанам, самым северным людям страны, впервые послали учителя. Они посадили его на нарты и молча вывезли из тундры.

Через год к ним поехал комсомолец, чтобы помочь им ликвидировать безграмотность. С ним поступили так же, как с учителем, мрачно объяснив: «Нганасан вера такая — если нганасаны учиться станут, шибко болеть будут, умирать будут».

На культбазе в Хатанге не знали, как быть. К нганасанам попасть было трудно — они кочевали далеко в тундре, с соседями почти не

СНЫЙ ЧУМ»

общались, на факториях появлялись редко. Это были люди замкнутые, недоверчивые, суеверные. Жили в чумах, отапливали чум костром. Носили только меховую одежду, которую надевали на голое тело, никогда не мылись. Женщину считали существом «поганым». И все-таки к ним отправилась женщина.

Она жила в Москве и мечтала поехать в Арктику. Писала в ЦК ВЛКСМ и в газету. Ее письмо «Хочу в Арктику» было напечатано в «Комсомольской правде».

«Я готова посвятить себя работе на далеком Севере. Мне 21 год. Работала на Урале избачом. Радиолюбительница. Член ВЛКСМ. Сейчас работаю на заводе... Мне, комсомолке, хочется получить большевистскую закалку в самых тяжелых условиях.

Амалия Хазанович».

Когда в мае 1936 года ей предложили поехать на Таймыр, она сразу согласилась. В Хатанге ей поручили заведовать передвижным красным чумом. И через несколько месяцев она попросила направить ее к нганасанам.

За ней приехали из тундры.

— Эй, сестра, торопи! — крикнул каюр.— Асянду Васептэ оленей прислал!

Асянду Васептэ был член кочевого Совета и неплохо говорил порусски. Амалия заранее условилась, что будет с ним кочевать.

Наступил момент отъезда. И тут нганасаны пришли в замешательство. Никогда еще ни один нганасанин не сажал на свою нарту женщину. Поэтому каждый возчик старался сбыть Амалию другому. Под тревожными взглядами провожающих она ходила от санок к санкам и, наконец, села на одни из них. Хозяин опешил. Чтобы оградить себя от греха, он выдернул из-под девушки оленью полость и предложил сесть на голые нарты. Она отказалась. В конце концов возчику пришлось уступить. Олени тронулись в путь. Московская комсомолка Амалия Хазанович ехала помогать незнакомому ей народу строить новую жизнь. Кроме книг, глобуса и тетрадей, она взяла с собой патефон...

Много дней по заснеженной тундре бежали оленьи упряжки. Наконец на берегу замерзшего озера показалось стойбище. Все вошли в большой чум Асянду Васептэ.

Стараясь не кашлять от едкого дыма костра, Амалия попросила Васептэ перевести собравшимся то, что хочет сказать.

— Я приехала сюда работать. Буду спрашивать у вас, чего не знаю. А вас буду грамоте учить, рассказывать о Большой земле, о Советской власти, о новом законе, о партии, о колхозах.

Васептэ старательно переводил каждое слово. Услышав, что их собираются учить грамоте, нахмурил брови.

А Амалия тем временем поставила на столик патефон. Его звуки поразили всех присутствующих. Впервые в этом примитивном жилище услышали музыку. Вслед за «Полюшко-поле» зазвучала «Песня о Каховке», «Итальянская серенада», «Негритянская песенка». А девушка рассказывала о том, что на земле живет много народов и у каждого свой язык, свои песни. Ее слушали внимательно. Так состоялось знакомство с жителями стойбища.

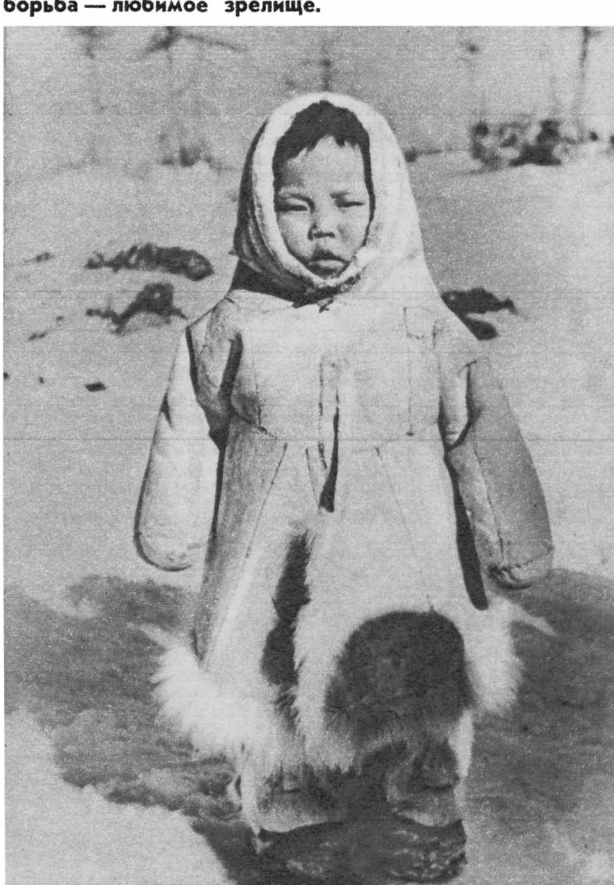
...Разговариваю с веселой черноглазой женщиной Екатериной Савельевной Симаковой. Катя

Хелла Лаймореевна Порбина — мастерица из Авамской тундры.

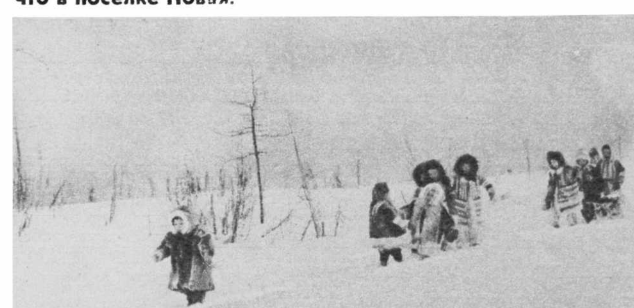

На празднике «День оленевода» борьба — любимое зрелище.

Нам мороз не страшен...

Они из детского сада «Бускан», что в поселке Новая.

очень молода, но уже пять лет работает разъездным фельдшером.

— Люблю свою работу,— говорит Катя.— Люблю ездить в тундру по оленеводческим и охотничьим бригадам. Объезжаю бригады два раза в месяц, кроме медицинского осмотра провожу беседы.

— А если есть больной?

— Если тяжелый больной — перевожу его в поселок, а если можно — лечу на месте, остаюсь на это время в бригаде.

— Катя, а по вызовам вы тоже ездите?

— И по вызовам езжу. Тут хоть ночь, хоть пурга, ехать надо. Помню, когда я только начала работать, был вызов. И я поехала в тундру. Началась сильная пурга, мы с проводником заблудились. К тому же продуктов не взяли, с собой была только рыба. Мы эту рыбу съели, а потом снег в баночке подогревали и пили. Три дня плутали по тундре. Я, честно говоря, от страха целые сутки проплакала. Однако нашли свои бригады.

Я замечаю ей, что быть разъездным фельдшером, видимо, очень трудно. Катя согласна.

— Вы даже не представляете себе, как это трудно. Иногда приедешь в бригаду, прямо вся трясешься от холода. Но тут чай подадут горячий, накормят. И сразу настроение поднимается. Я ведь с малых лет мечтала стать медиком. Я так хотела, чтобы мне сказали: «Спасибо, сестра».

В тундре много таких женщин, как Катя Симакова.

...Васептэ заявил Амалии, что она как «баба» не имеет права перешагивать ни через один предмет, лежащий на земле. Иначе хозяин этой вещи ослепнет, потеряет талант ловить рыбу, промышлять зверя. Ей нельзя сидеть в мужских санках, в лодке.

Много подобных запретов изложил Васептэ, а главное — чтобы она не пыталась их учить.

Ей пришлось запастись терпением. Каждую мысль надо было долго разъяснять, приводить примеры, показывать фотоснимки... И прошло много дней, прежде чем двое из жителей стойбища, сам Васептэ и Купчик Хыты, согласились учиться.

Амалия с трудом сдерживала радость. Перед ней на шкурах, поджав под себя ноги, положив тетради на низенький столик, сидели ее первые ученики. Их закопченные руки с трудом выводили корявые буквы. Амалию слушали очень внимательно.

Нганасаны всегда были прилежными слушателями. Хотя на веру ничего не принимали.

— Ты говоришь, земля — шар?— спрашивали они.— А пошто тогда вода из рек и озер снизу не выливается?

Амалия принесла два ведра с водой.

— Помните, я говорила: земля скоро-скоро вертится? Теперь смотрите, сделаю так, что вода не прольется.

Она начала быстро вращать по кругу полное ведро воды. Сначала все разбежались в стороны, но потом, увидев, что вода не выливается, в восторге вернулись обратно. Этот опыт повторили все жители стойбища. Все признали:

— Однако так. Однако земля сама шибко вертится. Амалика — умный человек.

Она терпеливо продолжала свою работу. Проводила беседы о Ленине, Красной Армии, комсомоле, о богатствах недр земли, научила жителей стойбища играть в волейбол, в шашки, оказывала им медицинскую помощь.

Она привыкла пить чай без сахара, обходиться без хлеба. Охотилась, ловила рыбу, сушила впрок мясо, дробила кости, чтобы получить олений жир.

Так шли дни, недели, месяцы.

«Как странно мы живем,— думала иногда Амалия,— без радио, без газет. Как будто на земле ничего не творится, как будто мир ограничен пространством, видимым из чума».

Разумеется, Амалия не знала, что о ней самой теперь пишут в газете. 31 августа 1937 года газета «Правда» писала:

«В тундре кочует в красном чуме комсомолка Амалия Хазанович. Это изумительная девушка, смелая, самоотверженная, отдающая все силы просвещению националов. Хазанович успешно работает среди нганасан. Народ ее полюбил. Даже шаманы бессильны помешать ликвидации неграмотности».

...Собрание проходило в красном чуме — так и теперь называется клуб в поселке Новая.

Подводили итоги зимы: добычи песца, белой куропатки, подледного лова рыбы. И, самое важное, говорили о перспективах на текущий год. Служба погоды предсказала жаркое лето. Значит, надо угнать оленьи стада как можно дальше на север, чтобы спасти их от гнуса. Угнать по специально разработанным маршрутам, где учтено все, в первую очередь запасы ягеля.

Многие из сидевших в зале, хотя и жили в одном поселке, не так уж часто видели друг друга. Такова судьба охотников и оленеводов — круглый год в тундре. И долгой, темной полярной зимой и коротким северным летом идут они за оленьими стадами. Проходят мимо поселка, пополняют запасы продовольствия и двигаются дальше.

— Вся жизнь у них в движении,— сказал мне однажды Анатолий Федорович Хижняк, председатель колхоза имени Жданова. — Нелегкая профессия. К ней надо привыкать с детства.

— У нас есть целые династии оленеводов,— продолжал он. — От отца к сыну, от деда к внуку переходит опыт, накопленный веками. Если мальчонка, сын оленевода, учится в школе-интернате, на каникулы он обязательно едет в тундру. Он в поселке ни за что не хочет оставаться. «Нет, — говорит,— в тундре лучше». А чем лучше? Там ему раздолье. Там он учится маут-аркан бросать, учится ловить оленей из стада. У нас, например, есть мальчишка, ему одиннадцать лет, а он уже умеет и запрягать оленей и управлять ими. Таких ребят у нас много, и они наша надежда.

Собрание подходило к концу. Сайбо Момде взял отстающую бригаду и обещал вывести ее в передовые. Оленеводы попросили дополнительные рации. Работники ветеринарной службы рассказали, как в этом году будет организован облет оленьих стад. Словом, решались текущие дела хозяйства, которое выросло из созданного в 1937 году промыслово-охотничьего товарищества.

...Тогда, 4 октября, в чуме Васептэ было полно народу. Собрались представители многих нганасанских стойбищ. Шла речь об организации промыслово-охотничьего товарищества.

Амалия Хазанович рассказала о колхозах на Большой земле, о том, как будет поставлена работа в товариществе.

— Сейчас стадо оленей кочует без присмотра,— говорила она,— или же за ним смотрит старик, получающий подачки от стойбища. И хозяева неспокойны за своих оленей, и старик живет бедно. А там, где нет стариков, оленей пасут мужчины, охотиться и ловить рыбу им некогда. В товариществе будут специальные пастухи, будет бригадный лов рыбы и бригадная охота. Товариществу помогут охотничье-промысловые станции, там выдадут инвентарь в кредит или в аренду.

С большим вниманием слушали Амалию и переводившего ее речь Васептэ. Было задано много вопросов. Ответив на них, Амалия спросила:

— Кто хочет записаться в товарищество?

— Сестра, пиши меня,— заявил Гаянча Купчик.

За ним записались еще девять человек. Товарищество назвали «Путь Ильича». Председателем правления избрали Асянду Васептэ.

...Бригадир Лямо Купчик взял меня с собой в тундру. Долго мы едем по замерзшей Хатанге. Над рекой висит красный шар солнца, ветра нет, и, хотя 20 градусов мороза, довольно тепло.

Путь до бригады неблизкий. Поэтому Лямо часто останавливает упряжку, дает оленям отдохнуть.

— Любимец Лямо,— говорю я на одной из остановок.— Ведь так называла тебя Амалия?

Лямо удивлен:

— Откуда знаешь?

— Мне Амалия Михайловна рассказывала.

Лямо удивляется еще больше:

— Ты Амалию знаешь? Шутишь, что ли?

— Вовсе не шучу. Мы в Москве часто видимся.

— А-а... Амалия, наверное, древняя старуха?

Тут уж изумляюсь я:

— Почему старуха? Она еще молодо выглядит, красивая.

Лямо недоверчиво качает головой.

— Как молодая, однако? Ведь это когда было?

Это было не так уж давно, Лямо. Просто жизнь настолько изменилась, что те годы кажутся далеким прошлым.

...Уже несколько дней Амалия шила костюм для своего любимца — трехлетнего Лямо. Шить она совсем не умела, но желание видеть малыша чистым заставило ее взяться за работу.

Наконец, одежда готова. Амалия нагрела воды. Родители Лямо растерялись: как это вымыть? Но она быстро посадила малыша в таз. Нганасаны с ужасом глядели на ребенка.

Когда Лямо вымыли и одели, он показался таким хорошеньким, что все успокоились. Но стоило Лямо сделать шаг, как он упал. Попытался шагнуть еще раз, упал снова.

Оказалось, Амалия сшила ему штаны, в которых неудобно ходить. Под общий хохот жителей стойбища ей пришлось переделывать свою работу. А через несколько месяцев первый взрослый нганасан дал согласие вымыться. Это был старик Тамтумаку.

Давно уговаривала его Амалия помыться, обещала дать лекарства от чесотки.

— Нет, Амеличка Микайличка,— отвечал он,— шибко боюсь грех делать, боюсь, слепой стану.

И вот однажды он сам робко спросил:

— Сейчас лекарство делать можно?

Она, конечно, мгновенно согласилась и стала греть воду. Старик сидел, как обреченный, с тоской поглядывая на огонь.

— Сестра, а волос после мытья будет белый? — с тревогой спросил он.

Амалия рассмеялась и показала на свои черные волосы, неоднократно при нем мытые.

...Наташа Купчик, жена Лямо, достала свое рукоделие — орнаменты, сделанные из разноцветных кусочков меха. Такими узорами нганасаны украшают парки, унтайки, рукавицы, сумки. Орнамент в каждой семье передается из поколения в поколение, ведь нганасанские женщины и сейчас шьют меховую одежду своими руками. И какую одежду! Недаром на выставках подолгу стоят посетители именно перед изделиями нганасанских мастериц.

Наташа раскладывала передо мной все новые и новые образцы, я рассматривала их, прислушиваясь к разговору за столом. Гость, знатный охотник Джембиле Окко, заехавший по пути в свою бригаду переночевать к другу, рассказывал о море Лаптевых, все побережье которого он, охотясь, исходил пешком.

В маленькой печке потрескивали дрова, пел чайник, в балке — передвижном домике — было чисто, тепло, уютно. Рядом со мной сидела Наташа, молодая, красивая, образованная женщина, депутат окружного Совета — женщина, разделившая с мужем все трудности его нелегкой жизни оленевода.

За столом захохотали. Это Джембиле вспомнил, как они с Лямо маленькими детьми бегали по стойбищу за Амалией Хазанович: «Амалика Красночум! Мячику дай поиграть!»

— Да тише вы,— с досадой сказала Наташа,— детей разбудите.

Но маленькие устали и спали крепко. Перед сном шестилетний Аркаша показывал мне, как бросать маут, ловить оленей.

— Наверное, будет оленеводом? — спросила я Лямо.

— Оленеводом и ветеринаром. Он и сейчас все время «лечит» оленей и собак. Поступит в школу, окончит ее, обязательно будет учиться дальше. В тундру вернется специалистом.

Амалия Хазанович продолжала заведовать красным чумом. Но теперь нганасаны сами приезжали учиться к ней за десять, за двадцать, за тридцать километров. Приехал даже подслеповатый больной старик и заявил:

— Учи меня, а парень мой пусть песца промышляет.

У старика не гнулись пальцы, карандаш вываливался из рук, вместо букв получались немыслимые закорючки. Но он продолжал писать.

Правда, еще ни один ребенок нганасан не учился в школе. Убеждения ни к чему не приводили. Пришлось снова собрать общее собрание. Долго обсуждали старики такой серьезный вопрос, много кричали и наконец сказали:

— Пиши протокол! Пиши, народ нганасан думает: надо советской дорогой идти и ребят учить. Народ шибко просит кочевую школу в тундру. Советскую власть обманывать не будем.

В тот вечер Амалия Хазанович записала в своем дневнике:

«Завоеван еще один далекий уголок Советской страны. Безмерно счастлив тот, кто вложил свою долю в трудное, но благодарное дело приобщения народов Крайнего Севера к новой, социалистической жизни».

Когда я собиралась в Хатангу-Новая, мне позвонила по телефону Амалия Михайловна Хазанович. Сказала радостно (впрочем, у нее всегда бодрый, радостный голос):

— Послушайте, какую я получила телеграмму! «Таймырский окружком комсомола приглашает Вас на празднование пятидесятилетия первой комсомольской ячейки на Таймыре». Значит, меня помнят!

И она улетела в Дудинку.

Звезда Мира.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Москва, 1975 год. Вид на Красную площадь с Москворецкого моста.

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

ДЕНЬ НА ВОЙНЕ

Евгений ПЕТРОВ

1945, 1 января, понедельник

До Нового года осталось всего несколько часов, а работы еще невпроворот. Секретарь нашей дивизионной газеты Сережа Аракчеев сгорбился у приемника, напрягая слух, записывает оперативную сводку за 31 декабря 1944 года. Человек, сидящий перед микрофоном в далекой Москве, диктует, как учитель на уроке русского языка: «В течение 31 декабря юго-восточ-нее и юж-нее города Лученец наши войска овладели на территории Чехословакии населенными пунктами... Повторяю: Леонид, Ульяна, Человек, Елена, Николай, Елена, Цапля. Л-У-Ч-Е-Н-Е-Ц...»

Коллектив нашей дивизионки небольшой, но каждый знает свое дело и свой час. Старшина Алексей Сергеев верстает полосу. Горошкин и Бондаренко склонились у наборных касс. Спит до корректуры капитан Аипов, посапывает Митя Рябоволенко, который по команде печатника Ивана Васильевича Баулина, взявшись за рычаг, будет приводить в действие печатную машину.

Мы работаем в доме польской крестьянки. Пани Елена предоставила нам светелку, а сама с сыном и дочерью устроилась на кухне.

В комнате по-домашнему уютно. Излучает тепло только что истопленная печь. Трещат фитили в приплюснутых снарядных гильзах, надраенных кирпичным порошком.

— Не лампы, а самовары,— восхищается своей работой Баулин.

Этот пожилой человек, родом из Пензенской области, где формировалась наша 354-я стрелковая дивизия,— мастер на все руки. Он не знает праздного времени. То чистит картошку, то чинит сапоги, то режет бумагу или варит клей. Но с особым пристрастием обхаживает Иван Васильевич печатный станок, покоящийся на деревянной подставке, похожей на носилки. Машина, изготовленная при царе Горохе, приводится в действие при помощи рычага. «Старая кочерга»,— ворчал не раз Иван Васильевич. Натерпелся он с ней горя. Полосу надо печатать, и вдруг — трещина в основании рычага. Вся редакция среди ночи, в пургу или дождь, разыскивает автороту, где есть электросварка или автоген.

Сейчас, обтирая машину ветошью, Иван Васильевич ласково говорит:

— Не подведи, старая, в новогоднюю ночь.

Трещат верстатки в руках наборщиков. Ложится буква к букве. Родилась строка, другая. Но вот клюнул носом Бондаренко, а за ним и Горошкин.

— Не дремать, ребятки,— подбадривает старшина Сергеев.— Пора ставить подборку «По родной стране», а у вас еще не у шубы рукав.

В фонарике, против заголовка «Советский патриот», старшина сменил литеры, улыбнулся:

— Момент, можно сказать, исторический. Подумать только, слова и цифры-то какие: «№ 1, понедельник, 1 января».

Сергеев разверстал передовую, поставил заголовок: «1945». Прикинул: статья заняла на полосе пятьдесят строк. Хороша концовка. Сергеев перечитал ее еще раз: «Теперь за Красной Армией остается последняя заключительная миссия: добить фашистского зверя в его собственной берлоге!»

Старшина размечтался: «Летит, летит время! Кажется, только вчера встречали сорок четвертый. Было это в лесах под Бобруйском. А ныне — под Варшавой...»

Горошкин и Бондаренко закончили набор заметок, сделали оттиски.

И легли на полосу сообщения ТАСС из Москвы, Свердловска, Киева, Иванова, Калинина. Предприятия столицы досрочно завершили годовой план, дали для нужд фронта и народного хозяйства на сотни миллионов рублей дополнительной продукции. Залечивает раны Киев. Вырисовываются контуры нового Крещатика, восстановлены предприятия и главные сооружения Днепровского водопровода.

— Эх,— вздыхает старшина,— домой бы! Обнять родных, ненаглядных, пожать руки!

— Теперь уж скоро и до дома,— утешает Горошкин.

— Будите капитана,— сказал старшина.

В этот момент Сережа Аракчеев выключил приемник, сказал:

— Сводка принята. Слава богу, обошлось без помех. Вести добрые, особенно из Венгрии. В районе Будапешта взяты в плен тысячи солдат и офицеров. В числе трофеев — танки, орудия, автомашины и так далее...

— Хроника года в полосу нужна!— торопит старшина Горошкина.— О наших боевых делах.

— Настоящие орлы воюют в нашей дивизии. Только так и надо разговаривать с фашистами.

— Ты о чем?

— О хронике сорок четвертого.

— Читай вслух, коли так.

«Комсомолец старший лейтенант Алексей Мишнев в первый день летнего наступления сорок четвертого года из противотанкового ружья сбил немецкий самолет «фокке-вульф».

Сержант Геннадий Пичкуров водрузил красное знамя над своим родным городом.

Знаменосец части старшина Бейксат Амиров награжден двумя правительственными наградами — орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За отвагу». На счету Амирова 30 убитых и 15 взятых в плен гитлеровцев.

Пулеметчик Джалал Кудайбергенов уничтожил сто фашистов. Генерал вручил ему на передовой орден Красного Знамени.

Старшему сержанту Константину Новикову вручен орден Ленина. Только в одном бою он истребил до взвода фашистов».

— Все? Хорошо! Ставь в полосу.

Горошкин потянулся до хруста в суставах, спросил Аипова:

— Капитан, а где ваш материал? Мы же вчера были с вами на плацдарме, видели, как нашей дивизии вручали ордена.

— Пошла только информация, а подробный отчет в следующем номере.

— Жаль! А зрелище, ребята, было внушительное. На плацдарм я впервые попал. Там тьма-тьмущая сожженных немецких танков. Днем на берегу Нарева выстроились представители полков. Перед строем — знамя дивизии. На автомашине с откинутыми бортами — генералы. Среди них и наш — Джанджгава.

...На маленьком клочке земли, у этой реки Нарев, сказал представитель Ставки, вы вместе с другими частями повторили славу Сталинграда, Курска, битв на Днепре, в Белоруссии и на Висле. Гитлер назвал этот участок фронта «пистолетом, направленным в сердце Германии». Он бросил в сражение несколько дивизий, сотни танков, которые шли в бой прямо с конвейера без заводских испытаний. Семь дней длилась кровавая схватка. Вы отбивали в день десятки атак. Фашисты не продвинулись ни на шаг. Здесь, на этой земле, нашли себе могилу тысячи гитлеровских головорезов. Теперь яснее ясного, что фашистский зверь смертельно ранен. Недалек тот час, когда будет дан приказ: на Берлин!..

Что было после этих слов! Никогда не думал, что я, Горошкин, способен орать во всю глотку: у-р-р-а!

— Ты что, парень, ошалел?!— всполошился старшина.— Ночь на дворе, людей напугаешь.

Дверь скрипнула. В комнату вошла хозяйка. Торопливо крестясь дрожащей рукой, она шептала:

—Езуз Мария! Езуз Мария!

— Успокойтесь, пани Елена,— тихо сказал старшина.— У нас полный порядок. Просто один чудак время дня перепутал.

Пани ушла.

— На мою мать похожа,— вздохнул старшина,— скромная, тихая. Нелегко им живется.

— Это точно,— подтвердил Горошкин.

— Трудная, непонятная для нас жизнь. Но я думаю, что скоро все изменится к лучшему.

— А я так и сказал сыну хозяйки.

— Ишь ты, Горошкин, не знал, что ты такой стратег!

— Стратег не стратег, а советский человек.

Разговор оборвался — старшина уже закончил верстать полосу.

Из-за плеча старшины взглянул на нее Баулин, прочитал по складам шапку: «С Новым победным годом, товарищи!»

— Эти слова, старшина, я, пожалуй, красной краской напечатаю. Хоть и лишний прогон, двойная работа, но для такого случая можно и попотеть.

Мерно позванивает печатный тигель. Митя Рябоволенко, накачавший за годы работы у станка бицепсы заправского штангиста, шумно, с придыханием захлопывает зево машины и, распахнув его снова, левой свободной рукой снимает готовый оттиск и заменяет чистым листом...

Идет тираж.

Москва. Кремлевский Дворец съездов.
Фото Н. Рахманова

С № 1 журнал «Огонек» начинает печатать повесть Георгия БЕРЕЗКО «ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ».

ДУМАЯ О

Анатолий **СОФРОНОВ**

О том, что Юрий Бондарев пишет новый роман, мы узнали уже к концу работы писателя над произведением. Вскоре стало известно и название романа — «Берег». Правда, на первых порах, еще не читая книги, название это посчитали фольклором, ибо название произведения у таких писателей, как Юрий Бондарев, пожалуй, не сразу все объясняет. Даже «Горячий снег» таил в себе какие-то неожиданности в этом нелогичном, на первый взгляд, названии. И только когда «Горячий снег» был прочитан, то при всей парадоксальности этого названия можно было увидеть глубокую и точную мысль автора.

...Итак, «Берег». О чем это? О каком береге? Мы обратились к Юрию Бондареву: может быть, он передаст «Огоньку» несколько глав. Читатели «Огонька» любят Бондарева, он печатался у нас неоднократно. В это время в газетах появились отрывки из нового романа, в которых, правда, главным образом рассказывалось о событиях последних дней войны под Берлином. Такие газетные публикации всегда интересны, они как зазывные маяки. Но—«Берег»? При чем тут это название?

Юрий Бондарев передал «Огоньку» две главы. Прочтя их и подготовив к публикации, мы попросили писателя продолжить ознакомление читателей «Огонька» с «Берегом». Таким образом, мы опубликовали пять глав романа в конце 1974 года. Тогда же Бондарев сообщил, что эти главы и составляют первую часть книги. Читатели «Огонька» в своих письмах высоко оценили первую публикацию глав из романа «Берег». Некоторые письма читателей мы печатали в журнале. Несколько читателей выразили несогласие с обнаженной формой повествования, относящегося к картинам современной жизни Западной Германии. Что мы могли ответить данным читателям? Читайте дальше. Разбирайтесь в явлениях жизни. Понимайте, что представляет сейчас так называемая «западная цивилизация». Мне приходилось видеть эти злачные кварталы Гамбурга... Да разве только Гамбурга? Разве советские писатели должны приукрашивать страшное дно капиталистического мира?

...Закончив публикацию первой части, мы попросили писателя доверить «Огоньку» весь роман, ибо то, что было опубликовано в 74-м году, еще до публикации в журнале «Наш современник», вызвало жгучий интерес читателей. Тем более, что в последней, замыкающей главе становилось ясным, что женщина из Гамбурга Эмма Герберт является той самой девушкой Эммой, с которой лейтенант Никитин, а ныне писатель Вадим Никитин, прилетевший из Москвы в Гамбург, встретился в конце войны под Берлином, в маленьком городке Кёнигсдорф.

Конечно, в нашей литературе это не самый новый прием, когда главным действующим лицом романа становится писатель, но вместе с тем не так уж и много книг, где автор, в какой-то степени облегчая себе положение, вместе с тем чрезвычайно осложняет свою роль, да еще при таком стечении схожих обстоятельств в личной биографии — артиллерист, писатель...

Не вспомню, где я читал, что якобы самая сильная часть романа «Берег» — это вторая, военная. Что ж, дело писателя, как ему композиционно построить свое произведение: где, в каком месте изложить свою программу. Но в данном случае мы имеем книгу с чрезвычайно сложной, очень тонкой композицией, я бы даже сказал, опасной, потому что, уйдя во второй части как бы в воспоминания, писатель рисковал превратить роман в мемуарно-повествовательное произведение. Но, как магическим лучом высветив весь роман, в конце первой части вспыхнула встреча Вадима Никитина с Эммой Герберт. Это была не просто встреча с женщиной, которую он знал и которую любил, все время нося в своем сердце невозможную, как казалось, любовь. Это была встреча с юностью, где он был во всем и до конца честен. И пусть у иных «блюстителей нравственности» изгибаются вопросительным знаком брови в случае, если они встречаются в том или ином произведении с какими-то событиями, нарушающими в их представлении нравственный кодекс советского человека. Огромная человечность, великие сила и мера правды оказались главными в романе Юрия Бондарева. А когда это существует, то все уже становится возможным, обоснованным высокой правдой художественности.

Поэтому мне вовсе не интересны рассуждения о том, что в романе получилось больше, а что меньше. Когда я смотрю «Вассу Железнову», мне в общем-то неважно, что финал этой пьесы у Горького театрально не получился. Мне важна Васса Железнова, ее строй мыслей, движение, характер, обстоятельства жизни, в каких героиня оказалась...

На войне, как известно, были не только победители, но и побежденные. Но и среди победителей — не все победители. И не надо тратить особых усилий для доказательств, что в стане побежденных были не только враги, но и просто люди, да еще не просто люди, а люди, в одном случае вообще близкие нам, а в другом — которые могли быть близкими нам если не сегодня, то завтра. Что, собственно, предвосхищалось самой нашей политикой, всем тем, что предсказывалось людьми, понимающими, как могут дальше пойти события,— не только на последнем этапе войны... Не знаю, как на кого, но думается, на многих, оказало сильное влияние событие, казалось бы, не имевшее прямого отношения к войне,— строительство очередной линии метро в Москве в первые военные годы.

Еще одна немаловажная деталь. За последнее время читатели получили немало произведений, в которых подробно описана и наша и немецкая стороны. В них действуют люди разных рангов и масштабов, и действуют они так, будто рядом с ними находились очевидцы или сам автор, которые с полной ответственностью воспроизводят мысли, чувства, диалоги, движение событий и многое другое. Конечно же, от этого к таким произведениям не может быть никаких претензий. Литература — это сложный комплекс: и воображение, и глубокое знание, и изучение материала. Лев Толстой не знал, не видел ни Кузутова, ни Наполеона, однако ни у кого не возникал вопрос о правомерности обращения гениального русского писателя к теме Отечественной войны 1812 года... Здесь мы имеем несколько другой случай. Вторая часть книги написана как бы только с одной стороны — со стороны советских солдат и офицеров, выведенных из Берлина на отдых в Кёнигсдорф; и только Эмма, да ее нескладный братец Курт, да еще небольшая группа немецких солдат, попытавшихся оказать сопротивление советским войскам,— вот и все, кто представляет во второй части романа немецкую сторону. Однако это не помешало писателю объемно изобразить всю обстановку военных действий, которая была в тот момент на этом участке, да и не только на этом. Бондарев сумел скупо, но психологически чрезвычайно глубоко передать атмосферу последних дней войны, длину и тяжесть пройденных дорог. Все это изображено писателем с полным ощущением того, что происходит с одной и с другой стороны. Случай сам по себе не столь уж редкий, но при художественном успехе говорящий в пользу писателя. В событиях «Берега» — самый старший по званию комбат, старший лейтенант Гранатуров. Остальные все младше чином. Но напряжение последних дней войны в книге от этого не становится меньше. Объемность изображения способствует глубокому анализу событий романа, поэтому действия героев выходят далеко за пределы, обозначенные писателем.

Да и происходит-то все в течение всего лишь одной недели — пятишести дней. А сколько здесь драматичнейших событий, на первый взгляд, при сопоставлении их со всем, что было на завершающем этапе войны, словно бы и незначительных, а в человеческом отношении больших и важных, ибо за каждым человеком, за каждым героем стояла своя жизнь, к каждой из которых писатель был неравнодушен.

Характером подачи некоторых героев писатель без малейшего тумана выражает свою приязнь или неприязнь. Известно, что мы все не любим схематичную, догматическую литературу. Это в тех случаях, когда автор ведет вас под ручку, предупреждая обо всем заранее, делая заключение в финале произведения: смотрите, учитесь, как надо и как не надо действовать в жизни, плохой это или хороший человек и т. д. У Бондарева такой авторской уздечки нет. А люди в романе, между прочим, все разные, и некоторые из них предельно несимпатичные. Если начать с этой категории, то, пожалуй, сержант Меженин и есть один из побежденных среди победителей. Это именно он, как никто у писателя, не выдерживает всей глубокой ответственности войны, и не только на ее последнем этапе. Меженин резко отрицательный полюс не только для самого Никитина или Княжко, но и для всех

«БЕРЕГЕ»

солдат-артиллеристов, которые оказались при драматических обстоятельствах и событиях в маленьком немецком местечке.

Потом, в третьей книге, мы мельком узнаем о том, что Меженин погиб, погиб буквально на последних часах войны. Но для нас Меженин погиб не только физически — для нас значительно раньше он погиб и нравственно, значительно раньше того момента, когда советские войска пересекли нашу границу. Конечно, автор мог бы и Меженина оставить в живых — какие к нему могли быть претензии, если он храбро воевал на протяжении всей войны? Но так не только не должно, но и не могло случиться. К Меженину были не просто претензии, на него направлено страстно отрицательное осуждение лейтенанта Никитина. За таким осуждением, несомненно, стоит автор. Автор, который знает, что́ на войне не прощается в обстановке, когда скрещиваются такие величайшие события. Меженин как бы находится на полюсе античеловечности, антигуманизма. Как мне кажется, Меженин — это сигнал, предупреждение, серьезное, гуманное предупреждение писателя обществу: осмотритесь, кто рядом с вами.

Я говорю о героях не только по их месту в романе, но и по степени их нравственного размежевания. При всей схожести характера старшего лейтенанта Гранатурова с меженинским они тем не менее люди разные, хотя и Гранатуров, несмотря на грозную силу своей прямолинейности, мог бы, казалось, относиться несколько иначе к военврачу Галине и другим. Но, относясь иначе, он мог перестать быть Гранатуровым — он ведь тоже тип, образ. Из них и составляется общество, разное общество; общество, составленное не из оловянных солдатиков. И все же один просвет, почти лишь один просвет — его человеческое отношение к Никитину на самом заключительном этапе событий, после того как Никитин стрелял в Меженина, как бы сразу выводит его из сферы тяжкой отрицательности при столь громоздкой фигуре, в которой роилось так много темных страстей.

Кажется, все критики, писавшие о романе «Берег», сошлись на том, что самым удавшимся, самым интересным образом в романе является лейтенант Княжко. Именно о нем в предсмертные минуты, на борту снижающегося над Москвой самолета, остро думает Никитин. Много лет прошло с той далекой поры, когда в майский цветущий день, собственно, по вине Меженина и погиб этот рыцарь без страха и упрека, рыцарь чести — лейтенант Княжко. Как-то всегда хочется в таких случаях спросить у писателя: откуда родился этот образ, такой, какой он есть, даже, может быть, чрезмерный в своем аскетизме? Наверное, у каждого из нас, прошедших войну, есть свои родники для рождения таких образов. Одним таким образом я живу до сих пор — образом капитан-лейтенанта Николая Сипягина, погибшего еще в сорок третьем году в Керченском проливе. Судьба свела нас осенью 1943 года под Новороссийском. И сейчас, когда я бываю в этом красивом южном городе на площади Героев, я надолго замолкаю, стоя перед монументом, поставленным в память Героя Советского Союза Николая Сипягина и его безмерно храброго друга Цезаря Куникова, первым высадившегося на Малую землю.

Люди встречаются, расходятся, люди гибнут. Но и после гибели они остаются в памяти, как бы продолжая жить. Я не видел своими глазами, как погиб Николай Сипягин в Керченском проливе, тяжело раненный осколком немецкой шрапнели, после того как высадил десант на Керчь. Но я реально вижу, как жил и как погиб лейтенант Княжко. Он настолько увлеченно написан, что даже досада появляется от некоторых неожиданных и даже необдуманных поступков Княжко, о них сожалеешь уже как бы вместо него.

Не уверен, что Княжко и есть центральный образ в романе Бондарева, если писатель вообще задавался целью писать центральный образ. По всем данным, все же главным образом «Берега» является писатель Вадим Никитин. Но когда мы думаем о Княжко, то видим, как много необычного принес он в литературу,—столько в нем каких-то особых черт нашего времени, именно нашего, и вместе с тем того времени, которое проложило мосты к нашим дням от суровых и ликующих дней окончания войны.

Как мне представляется, образ Княжко станет дорог не только советским читателям, этот чистый образ увлечет и тех читателей, которые будут читать роман Бондарева на многих языках мира. Здесь, пожалуй, нелишне будет привести одно определение — определение существа того, что, может быть, и не было написано впрямую на наших знаменах во время войны, но что было ядром и сущностью нашей войны: великий гуманизм тех, кто сражался с фашизмом. Может быть, наиболее ярким в этом отношении является образ лейтенанта Княжко, к которому еще многие и многие будут возвращаться и сравнивать его не только с героями романа Бондарева. Только хотелось бы, чтобы сравнения эти не шли в ущерб ни одному герою «Берега».

Ну и, конечно, перед нами в центре сам Никитин. Лейтенант Вадим Никитин. Для нашей современной советской литературы — образ в общем-то даже типичный именно тем, что в нашу литературу после войны пришли и в прозу и в поэзию как раз вот такие «лейтенанты», которые сейчас сделались многими рангами выше, если исчислять их литературное значение военными званиями. Образ Никитина для меня, для читателя, чрезвычайно близок. Не могу сказать, что во всем ясен, но близок. Не просто юношами такие Никитины уходили на войну, и не просто возвращались они с нее. Что-то большое они оставляли на войне и многое, очень многое приобретали. Какая-то боль оставалась в сердце у каждого из них, так же как и у Никитина. Мир чрезвычайно широк, богат, противоречив, объемен. В этом мире меньше всего можно пользоваться схематическим отношением друг к другу, к друзьям и даже к врагам. Никто из нас не может знать, как поведут себя те или иные, с которыми мы общаемся, особенно на международной арене. В некоторых статьях промелькнули утверждения, что Никитин, дескать, где-то не очень ясен, где-то в дискуссиях не очень точен. Но ведь литература — это не отшлифованная, отредактированная стенограмма. Можно поставить себя на место писателя Никитина во время зарубежных дискуссий. Одно дело, если ты произносишь заранее написанную речь, а другое — когда в дискуссии приходится сражаться, когда ведешь спор не только с друзьями, но и с противниками, с идейными противниками. Как известно, в наше время это тоже сражение. Пожалуй, второй смысл аккуратно отредактированной стенограммы несет в романе на себе литератор Самсонов. Ему не позавидуешь. Он все знает: как себя вести, где и что говорить. А ведь это просто невозможно: все знать заранее, сам никогда не зная, как отнесутся к тебе те или иные оппоненты. С нами всегда правда, большая, настоящая; она неотделима от нас, она с тобой, она у тебя в душе. Но бывают такие повороты и такие люди, которых, не уступая им ни миллиметра в идейных позициях, не всегда следует обижать горделивой прямотой.

Вспоминаю одну из встреч в Дортмунде, в ФРГ. С нами происходило что-то похожее на то, что описано Бондаревым в третьей части романа. Мы знали, что во время дискуссии за столом с нами сидели далеко не единомышленники, были очень разные люди, некоторые из них работали на станцию «Свобода». И вместе с тем за этим же столом были люди, которых мы не хотели обидеть ни при каких условиях, потому что они стремились узнать правду, услышать ее из наших уст.

Вспоминаю Хельсинки. Как-то мне пришлось выступать на одной из встреч. Меня предупредили: будут друзья. А мне задавали такие вопросы, от которых я все больше с недоверием смотрел на аудиторию. Сыпались «провокационные вопросы». В конце встречи ко мне подошел один из организаторов встречи и сказал: «Не удивляйтесь, товарищ Софронов, здесь были все друзья, они вам задавали те вопросы, которые им задают в тех местах, где они работают. Если вы обратили внимание, они записывали ваши ответы для того, чтобы потом воспользоваться ими».

Конечно, эти эпизоды вроде бы и не имеют непосредственного отношения к роману Бондарева «Берег». И все же смею утверждать: имеют. Ибо литература — это прежде всего изображение жизни. А в данном, конкретном случае — не только жизни героев романа, но и личного опыта, жизненного и политического опыта писателя Юрия Бондарева, поднявшегося с романом «Берег» на новую вершину творчества. Вспомним: Никитин был на войне артиллеристом. И не случайно в его памяти все тонкости этой военной профессии, да и психологические ее тонкости, все остались.

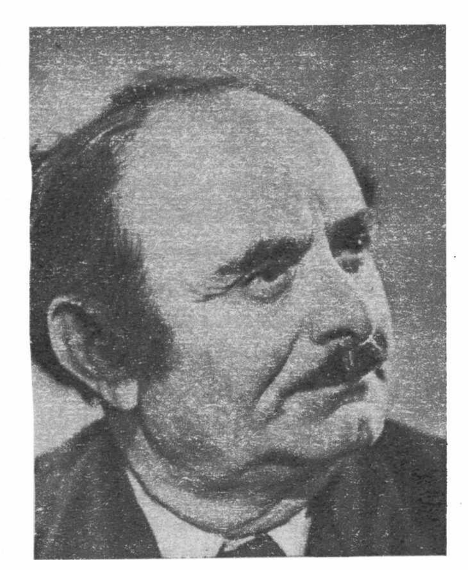
...И все же — что такое «Берег»? «Берег» — жизнь, обернувшаяся берегом смерти, потому что это свой берег, тот, без которого нельзя жить и от которого даже в самых тяжелых обстоятельствах невозможно оторваться. Невозможно оторваться, постоянно помня и учитывая глубокие пропасти, которые все еще разводят людей в разные стороны, в полярные друг другу направления. Разводят даже тех людей, которые, казалось, по всем человеческим данным, по всем их эмоциям должны были быть вместе и только в этом случае уметь выстоять. Не погрешу против истины: такими людьми могли быть Никитин и Эмма Герберт...

Чуждый исторической сентиментальности, Бондарев рассудил иначе. Можно было бы сказать, что ему было у кого учиться. Но мы не скажем этого, ибо Юрий Бондарев настолько большой, самобытный и глубокий писатель, что опровергать что-либо в романе или ставить под сомнение — напрасный труд.

Одно можно сказать: роман «Берег» захватил читателя. Роман будет жить долгой жизнью, помогая настоящим и будущим поколениям читателей познать глубины психологии героев Великой Отечественной войны, все более, с течением безжалостного времени уходящих в Бессмертие.

Ибрагим КЭБИРЛИ

ВСЕЙ ЖИ

●

Как быстро пламя иногда
В себе мы гасим без труда,
А ведь оно не на мгновенье,
Оно на долгие года —
Души тревожное горенье.

Огня стремительный росток
В груди поднимется в свой срок,
И не страшны ему невзгоды.
Он будет крепок и высок,
Переплетет лучами годы.

Не каждый может день за днем
Нести огонь из дома в дом,
Сил не щадя, лишась покоя.
Нет, лишь испытанный огнем
Способен выдержать такое.

Без громких и ненужных слов
Из сердца высечь он готов
Незатухающее пламя,
Чтоб жизнь чужую до краев
Наполнить яркими лучами.

Тот, кто действительно горит,
Тот об огне не говорит,
Он презирает жест и фразу,—
Ведь пламя, грозное на вид,
От слов фальшивых гаснет сразу.

Он свет несет не напоказ,
Не ищет он сторонних глаз,
Не хочет, чтоб огонь багряный
От взглядов ледяных погас
И ледяных рукоплесканий.

Тому другим светить дано,
Кто закален огнем давно,
Чье сердце пламенем объято
И чувством огненным полно
Сегодня так же, как когда-то...

Уж коль гореть, так чтоб кругом
Все пело в пламени твоем
И ни на миг не остывало,
Чтоб меж тобою и огнем
Ничто на свете не стояло!

Перевел с азербайджанского
Я. СЕРПИН.

Я ВЕРНОСТИ СОЛДАТ

Вела меня судьба моя, вела всегда по краю,
И я сокровище нашел — тебя, моя мечта.
Мое сокровище—лучи, что с солнца я срываю,
Мое сокровище, друзья,— всей жизни красота.

Гляжу, и медленно в меня течет ее свеченье,
Словно втекает ясный день тогда в глаза мои.
А если слово я скажу — в него
без промедленья
Вольются все его цвета, все краски, как ручьи.

Когда внезапно задохнусь
я на крутом подъеме,
Оно вдруг за руку возьмет, и я иду вперед.
Пусть спотыкается тропа на каменном уклоне,
Оно меня не подведет, дорогу подопрет!

А в бурю помогает мне оно стоять стеною,
Чтоб не носило по земле без адреса меня.
Мое сокровище всегда горит передо мною,
Когда я в холод остаюсь без доброго огня.

Когда я мерз, когда седел
на сквозняках столетья
И лютый холод пламенел в суровых днях моих,
Тебя под сердцем молодым
умел всегда согреть я,
Надежда давняя моя, что я судьбой постиг.

Мое сокровище весь мир одарит и все страны,
Как ни транжирь его, а все ж
Ему все нипочем!
Мое сокровище свезти не смогут караваны.
И слово каждое мое всегда звучит о нем.

Не думайте, что завладел я серебром и златом,
Я в жизни верность отыскал —
я стал ее солдатом.
И это самый верный ключ
средь странствий и разлук.
Я в жизни верность отыскал —
и сразу стал богатым.
Никто не вырвет этот ключ
вдруг у меня из рук!..

КТО-ТО ЗОВЕТ

Вдруг кто-то вновь меня зовет... Родным
Мне этот голос кажется всегда.
И потому он мне необходим,
Как молодость, на многие года.
Вот кто-то вдруг меня зовет. Иной
Я радости не знаю столько лет,
Ведь между этим голосом и мной,
И мной — для безразличья места нет.
Вот кто-то вновь меня зовет, как друг,
Ему, наверно, вспомнился я вдруг.
Как знать ему, что я горю в огне,
В огне,
Что так подобен тишине?
Вот кто-то вновь зовет меня. Без слов.
И я иду, и я спешу на зов.
Пускай меня зовет, пускай зовет,
Пускай крушит он неподвижный лед
Тиши, что заковала вдруг меня.
Пускай зовет, над этим льдом звеня.
Вот кто-то вновь зовет меня, зовет.
Мне этот голос силы придает.
Вот кто-то вновь зовет меня. И я
Спешу на зов, лишь прозвучит едва,
И голоса звенящего струя
В мои глаза втекает и слова,
В глаза втекает золотой рассвет,
И на земле меня счастливей нет.
Я знаю: средь сомнений и обид
Всегда на помощь кто-то мне спешит
И кто-то вновь зовет меня в тиши.
О, сколько в этом голосе души
И теплоты!
Согреть меня он смог,
Когда порой бывал я одинок.
Среди забот
Я слышу голос чей-то
И чувствую,
Что это друг зовет.
И, как приносит гул волны прибой,
Дыханье дня приносит он с собой,
Я слышу чей-то голос,
Чей-то зов,
Я отозваться на него готов —
Так песне отзывается струна.
Жизнь тайнами великими полна.
Я слышу голос — он зовет меня.
А ежели зовет,
То нужен я!

ЭТУ ЖАЖДУ НЕ УТОЛЮ

Полянами текут вдаль облака,
Как белая и теплая река,
Я радуюсь,
Увидев тень от них
На тихих травах и кустах густых.
Я радуюсь,
Когда трава в росе,
Когда улыбку вижу на лице.
Я радуюсь
Разбуженной земле,
На пасеку несущей мед пчеле.
И радуюсь я череде забот,
Когда навстречу радость мне идет,
Я рад, когда, дыханье затая,
Рожденье песни в сердце слышу я.
Прихлынет радость к моему лицу,—
Несет пичуга в клюве хлеб птенцу.
Я радуюсь,
Когда птенцу в гнезде
Живется высоко, как на звезде!
Я радуюсь,
Когда морской прибой
Вздымает радость бури над собой.
Я памяти печальной не боюсь—
Приходит радость — и уходит грусть!
Я радостно
Всегда готов вздохнуть,
Когда жарой спирает мою грудь,
Когда бокалы полные звенят
В руках друзей старинных —
Как я рад!
Смотрю на полных радостью людей,
Мир измеряю
Радостью моей!
Сливаюсь я всем сердцем, всей душой
С ликующею радостью чужой!
С прозрачною струей сливаюсь я
В поля спешащим холодом ручья.
Я радуюсь,
Когда зарей зажжен
Разбуженный для утра небосклон.
Я радуюсь,
Я радуюсь,
Я рад,
Но день придет, прекрасней во сто крат.
И все, чему так радовался я,
Уйдет и канет в тине забытья.
Другая песня в сердце мне придет,
У радости любой — свой срок и счет.
И вкус иной, и аромат иной,
И свет иной, с другой голубизной!
И ты тогда поймешь еще сильней—
Насытился ты радостью своей!
Но радость та,
Что дарит нам страна,
Сколько б ни пил — не кончится она.
Сколько б ни пил,
А жаждой грудь полна,
Сколько б ни звал — она у всех одна
Ведь эту жажду я не утолю —
Она вошла навеки в грудь мою!

ЗНИ КРАСОТА

●

Если в сердце мое
Захотите вы нежно вглядеться,
То увидите радость,
Негасимую солнечность в нем.
Много раз согревалось
От песен влюбленное сердце!..
К струнам ваших сердец
Сердцем я прикоснусь, как смычком.
Я живу на виду,
Мое сердце все время в разведке,
И зовет мою песню
Высокий вдали перевал.
Если вы захотите —
Мой трепет найдете на ветке,
Я у трепетных яблонь
Весеннюю дрожь перенял.

Пусть трепещет та ветка,
Пусть трепещет, как пойманный стрепет —
Вы дотроньтесь рукой
До теплой, дрожащей ее,
Оторвите тихонько
Вы влажный стремительный трепет
И с собой унесите,
Как песню, как сердце мое!

Радость в сердце стучится,
Эта радость особого свойства,
Радость песни и радость дороги,
Идущей всегда на подъем.
Если вы приглядитесь —
Узрите мое беспокойство,
Что покой мне не нужен
Ни в песне, ни в сердце моем.

Слышу сердцебиенье,
Словно гул ветрового простора,
Нет начала ему, нет конца.
И открытый навстречу весне
Сердца гул вечевой,
Его трепет — мне вечно опора
На дороге крутой,
Той, что ждет меня в завтрашнем дне

Я за каплею каплю
Белый день растопить, словно в топке,
В сердце, полном любви
И тревожного счастья, спешу,
Чтобы все на земле
Мне запомнилось — реки и сопки.
Непокой бесконечный,
Бесконечный я трепет ищу!

БЕРИ НАДЕЖДУ В ПУТЬ

Я без надежды сердца своего
Не сделаю и шага одного.
Я счет надеждам сбывшимся веду,
Куда б ни шел — с надеждою иду.
Я нес в своих глазах
Надежды свет,
Она со мной была средь грозных лет.
Не жил я без надежды даже дня,
Надежда же —
Ни шагу от меня!
Мне каждый день на жизненном пути
Маячила надежда впереди.
Как блещущую молнией грозу —
В груди ее я бережно несу.
Иду — и мне с дороги не свернуть,
Надежда мне прокладывает путь.
Ведь утренней сияет синевой
Моя надежда — мне над головой.
Ведь и во мгле порою средь ночи
Светили ясно мне ее лучи.
И становилось на сердце светлей —
Надежда —
Имя радости моей.
Надежда —
Имя хлеба моего,
Любви моей святое торжество,
И самые счастливые права,
И самые правдивые слова.

К надежде сердце я свое стремлю,
И с нею я в грядущее вступлю,
А без надежды было б нелегко,
Пугался б даже пульса своего!
Надежда мне вошла навеки в грудь,
А без нее не выходил я в путь
И не всходил на трудный перевал,
Протянутой руки не пожимал...

Я без надежды сердца своего
Не сделал даже шага одного,
Не допускал я, прочь печаль гоня,
Чтобы она покинула меня.

И каждый раз, когда придет восход,
Надежду посылаю я вперед,
И каждый день — лишь встану поутру,
Надежду в путь с собою я беру.

УЧУСЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Где б вы меня ни видели, друзья,
Не удивляйтесь только,
Если я
Средь ледяной, колючей высоты
Всхожу на неприступные вершины,
Одолеваю снежные лавины,
Не говорите: «Что здесь ищешь ты?»

Если меня увидите вдали,
Увидите вы на краю земли,
Когда во власти я своей мечты,
В далекую дорогу устремляюсь,
Отбросьте прочь сомнения и зависть,
Не говорите: «Что здесь ищешь ты?»

Когда меня увидите в огне
Грозы, вы не грустите обо мне.
Когда, чтоб свет горел средь темноты
Я вновь берусь за молнии руками
И руки пламенеют с облаками,
Не говорите: «Что здесь ищешь ты?»

Если меня в пустыне где-нибудь
Узрите — не жалейте вы ничуть,
Когда среди жары, средь духоты
Сухая жажда ноги мне подкосит,
Расплавится в руке от жара ковшик,
Не говорите: «Что здесь ищешь ты?»

Если меня увидите в селе
Моем родном
Приехавшим к семье
Из городской и шумной суеты,
Если меня увидите припавшим
К родной земле, к зазеленевшей пашне,
Не говорите: «Что здесь ищешь ты?»

И я не знаю отдыха ни дня —
В походе вечном видите меня.
Но не хочу,
Чтоб вы сказать могли:
«Истратил силы все свои беспечно
В дороге и скитаньях бесконечных,
Что набирал он от родной земли».

Мне ветер странствий бьет в лицо и грудь,
Спускаюсь в бездны
И всхожу на круть,
Лишь потому, что в путь всегда стремлюсь,
Что жажда жить сильнее год от года,
Я у родной земли и у народа
Любви и человечности учусь!

ГРЕЛСЯ У МЕЧТЫ

Ашрафу Абасову

К домашнему спешил я очагу,
Чтоб обогреться в дружеском кругу.

А не было костра средь темноты,
Я тихо грелся у своей мечты.

Меня в низины светлые влекло —
Я солнечное там вбирал тепло.

Земля была в пути постелью мне,—
Так привыкал к земле я на земле.

Я шел к вершинам снежным напрямик —
На тех вершинах к небу я привык.

Ни памятью, ни праздничной душой
Я не стремился к радости чужой.

Я по земле ходил крутой тропой,
И не дрожал над собственной судьбой.

Чтоб положить один кирпич всего
В фундамент храма дружбы,— для того

Готов принять я на себя обвал,
Удар тяжелый падающих скал.

Сложилась нелегко судьба моя —
И хмурил брови и смеялся я.

Все в жизни было: радость и беда —
Не пил из рек молочных никогда.

Я испытал немало на веку,
Я жизнь провел на огненном ветру.

Пожарищами дымными войны
Года мои и сны озарены.

Вблизи окопов раннею весной
Примятый снег алел передо мной.

Весна с ее зеленой тишиной
Окопы обходила стороной.

Горела в пекле молодость моя,
Как плавилось железо, видел я.

Осколками окопы бороня,
Шла сталь на сталь и на броню броня.

Весь шар земной перепахал металл.
Недобрый день мой кровью истекал.

Через бои пролег мой трудный путь,
Я видел штык, нацеленный мне в грудь.

Я видел все: в лицо я правду знал,
Но правды никому не уступал!

Прошел сквозь пекло, испытал я все
И верным сердце сохранил свое!

Перевел Вл. ЦЫБИН.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

Трушницкого арестовали в семь часов утра. Все было так, как в доме у пана Ладислава: в дверь осторожно постучали, и Трушницкий решил, что это пришел кто-нибудь по поводу завтрашнего, нет, сегодняшнего уже концерта в театре, в его театре, и спросил хриплым со сна голосом:

— Кто?

— Из домовой управы,— ответили ему,— у вас трубы лопнули.

Трушницкий оглянулся во тьму комнаты, воды нигде не увидел, но решил, что это могло случиться в ванной, и дверь отпер. На пороге стоял офицер СС, два солдата и один в штатском. Лицо его показалось Трушницкому знакомым, но он не успел вспомнить, где они виделись, потому что солдаты споро втолкнули его в комнату, а человек в штатском вежливо сказал:

— Собирайтесь быстренько, будьте добры.

— А в чем дело? — спросил Трушницкий, леденея от близкого видения лица пана Ладислава.

— В вашей квартире небезопасно оставаться, в городе начали орудовать красные подпольщики,—объяснил штатский.— Мы увозим поближе к немецким казармам тех, за жизнь которых опасаемся.

— Ой, господи, а я уж перепугался,— вымученно улыбнулся Трушницкий, теперь только ощутив дрожание под коленками.— Одну минуту, господа, прошу садиться.

Он быстро оделся, потер ладонью щеки — побриться бы, да времени нет,— господи, за что ж на него красным руку поднимать? Надо поскорее съехать отсюда, заботливый народ немцы, ничего не скажешь, охраняют цвет нации, понимают, что без нас им ничего здесь не сделать, привезут на другую квартиру, там и побреюсь...

— Господа, а как же с вещами? — спросил он.— Тут у меня партитуры.

— Один из солдат останется, сложит все в чемодан и привезет вам.

Трушницкий ничего не понял даже тогда, когда машина, в которой он был до странного тесно зажат между офицером и штатским, въехала в тюремный двор. И лишь когда его вытолкнули из машины, и к нему подошел эсэсовец, и ударил в спину, кивнув головой на кованую дверь, тогда лишь Трушницкий увидал решетки на окнах, высокие стены, вышки с пулеметами и трупы, аккуратно, словно дрова, сложенные в тени, под навесом.

Он хотел идти, однако ноги не слушались; колени, казалось, выгнулись в обратную сторону, и ему пришла дикая мысль, что если он сделает шаг, то это будет шаг назад, а не вперед.

Допрашивал его высокий эсэсовец, мгновенно менявший улыбку на тяжелую маску гнева. Тот, что в штатском, обращался к нему почтительно: «Господин Диц». Трушницкий наконец вспомнил: штатским был секретарь Мельника, тихий и быстрый Чучкевич; его в бандеровских кругах называли «мышонком».

— Послушайте, Трушницкий,— быстро заговорил Диц, слюняво сжевывая черный табак сигареты,— в ваших интересах сказать нам всю правду. Всю, понимаете?! Если вы решите утаить хоть самую малость, я прикажу вас расстрелять немедленно, ясно вам?! Идет война, и у нас нет времени разводить антимонии!

— Я ничего не понимаю. Что я должен... В чем я виноват? — тихо спросил Трушницкий, ощущая быструю дрожь во всем теле.

— В чем он должен признаться? — перевел Чучкевич.— Вы ведь спрашивали,— он глянул на Трушницкого,— в чем вам надо признаваться, да?

— Да, да,— быстро ответил Трушницкий, словно бы цепляясь за спасательный круг — за украинскую речь Чучкевича, который сейчас поможет все объяснить этому длинному гестаповцу.

— Ну, это я вам подскажу,— сказал Чучкевич.— Вам трудно самому понять, в какую гнусную игру вас втянул Лебедь. Вы художник, вы о прозе жизни не думаете, вы в эмпиреях,— ласково, теперь уже неторопливо продолжал он.— Он же втянул вас в игру, Трушницкий. Он вам приказал устроить концерт в театре?

— Да.

Чучкевич сказал Дицу по-немецки:

— Можно начинать записывать, с этим будет просто.

Диц вызвал стенографиста, тот устроился в уголке, включив яркую настольную лампу, и Чучкевич придвинул свой стул поближе к ввинченному, металлическому, холодному, обрекающему табурету, на котором было приказано сидеть Трушницкому, и колени их соприкоснулись, и Трушницкий захотел, чтобы это касание продолжалось, потому что этот человек был как-никак своим.

— Так вот, по поводу концерта, Трушницкий. Лебедь просил вас обсудить программу с представителями оккупационных властей?

— Нет.

— Не просил,— медленно повторил Чучкевич, дожидаясь, видимо, пока ответ Трушницкого запишет стенографист.

— Но он ведь должен был знать, что программа торжественного концерта обязана быть утвержденной представителями новой власти? Должен ведь, да?

— Да,— медленно, стараясь понять спасительный смысл в словах Чучкевича, повторил Трушницкий.— Конечно.

— Лебедь сказал, что назначает вас главным режиссером театра?

— Главным дирижером.

— Что?

— Я говорю — главным дирижером.

— Ну, знаете, разница невелика.

— Да, да, невелика,— быстро согласился Трушницкий.

— А он должен был согласовать этот вопрос с новой властью? Как думаете?

— Должен.

— Он никогда не говорил вам, что надо попросить новую власть назначить немецкого директора вашего хора?

— Нет.

— Вот и получается, что он хотел стать над новой властью, этот Лебедь? Разве нет?

— Я не знаю... Мне кажется...

— Нет, погодите,— мягко перебил его Чучкевич,— как же так — «не знаю»? Такой ответ может показаться неискренним господину Дицу. Вы все прекрасно знаете, Трушницкий. Эмпиреи эмпиреями, но ведь хлеб вы едите земной, а не небесный. Мы ведь существуем только потому, что в мире есть великий фюрер Адольф Гитлер и его нация. А если Лебедь все брал на себя? Если он все хотел решать сам? Тогда как? Он ведь все хотел решать сам — так?

— Он самостоятельный,— согласился Трушницкий, почувствовав, как в нем рождается особое, испуганное подобострастие и желание во всем следовать за Чучкевичем.— Это вы верно отметили: он действительно очень самостоятельный человек.

— А может, заносчивый? — подсказал Чучкевич.— Может быть, точнее сказать — заносчивый?

— Вообще-то, конечно, это было в нем... Но по поводу новой власти...

— Что по поводу новой власти? Он хоть раз приветствовал вас так, как все честные люди новой Европы приветствуют друг друга? Он хоть раз, встретив вас, сказал «хайль Гитлер»?

— Говорил... Зачем же клеветать... Это он всегда говорил...

— Но чаще он, видно, говорил «хай живе фюрер Степан Бандера», разве нет?

— Это так, это истинно, он, конечно, тоже говорил «хай живе наш фюрер Степан Бандера»!

— Вот и ответьте мне теперь,— поняв до конца Трушницкого, повторил Чучкевич,— старался Лебедь поставить себя над новой властью? По-моему, ответ может быть только одним — утвердительным. Старался?

— Не то чтоб старался, но вообще это в нем было... Это отрицать трудно,— ответил Трушницкий, сглотнув тяжелый комок, застрявший в горле.— Я только теперь начинаю понимать,— добавил он, силясь улыбнуться,— сразу-то разве все поймешь? Это вы совершенно правильно заметили: я живу миром музыки, а она отделяет человека от земной суеты, она...

— Погодите,— осторожно прервал его Чучкевич.— Погодите, мой дорогой. Если мы с вами сошлись на том, что вы знали о желании Лебедя стать над новой властью, то должен родиться следующий вопрос: «Кому это выгодно?» Это не может быть выгодно украинцам: они погибнут без новой, немецкой, культурной власти, сгниют заживо, в помоях утонут. Кому же в таком случае выгодно стать над властью?

— Кому?— Доверчиво, моля глазами о помощи, Трушницкий повторил вопрос Чучкевича.

— Ну, а вы как думаете? Кому?

— Что-то у меня голова идет кругом... И потом я не могу понять: меня арестовали?

— Это зависит от того, что и как вы будете отвечать, Трушницкий, все от вас зависит. Всегда все зависит от человека.

— Но сегодня же концерт должен быть...

Он подумал с ужасом, что никогда он не станет за пюпитр, никогда, никогда, никогда не услышит оваций зала, и стало ему до того жаль себя, что Трушницкий сказал:

— Господи, за что все это? В чем моя вина? В чем?

— Корыстной вины за вами нет,— уверенно сказал Чучкевич,— все можно поправить, только надо быть честным, предельно честным. И не только перед господином Дицем или

Окончание. См. «Огонек» №№ 37—51.

мною, его помощником. Честным надо быть перед самим собой, Трушницкий. Ответьте мне, пожалуйста: кому было выгодно желание Лебедя стать над новой властью? Врагам новой германской власти, разве ж нет?

— Вы думаете, врагам?

— А вы как думаете? Как вы сами об этом думаете?

— Кто бы мог представить себе...

— Вот это дело другого рода... Представить себе этого никто не мог, ни у кого в голове подобное не могло уместиться — тут вы правы, спору нет. Значит, вам кажется, что поступки Лебедя объективно служили врагам новой власти. Так?

— Теперь мне, конечно, так кажется, но раньше я не мог об этом и подумать.

Чучкевич посмотрел на Дица. Тот кивнул головой, Трушницкому дали подписать протокол и увели в камеру. Там он и потерял сознание, когда пан Ладислав, обнимая детей своих, вошел к нему, подмигнул пустой, кровавой глазницей — глаз был выбит, висел на длинной синей ж и л к е, и сказал:

— В Опера́, в Опера́, хочу в Опера́, мой друг!

К девяти утра Чучкевич «оформил» еще пятерых, которые в картотеке Мельника проходили как «слабаки». «Улики» против Лебедя и Стецко были, таким образом, «неопровержимые».

Ознакомившись с показаниями арестованных, Лебедь закричал, срывая голос:

— Да вы что, озверели?! Господин Диц, мы ж свои! На кого руку поднимаете?! Это все штучки Мельника! Мы ж очистили Львов, мы все для новой власти делали! Что ж это такое, господин Диц! Это ж навет Мельника, как вы не понимаете?!

Чучкевич поднялся со своего табурета и лениво ударил Лебедя толстой потной ладошкой — словно кот.

Диц вскочил из-за стола, рявкнул:

— Чучкевич! Вон отсюда!

Тот какое-то мгновение недоумевал, потом выпрямился, щелкнул каблуками и вышел из камеры. Диц подошел к Лебедю, снял с него наручники, улыбнулся заговорщически и шепнул:

— Неужели вы не понимаете, что так сейчас н а д о?

— Что н а д о? — так же тихо спросил его Лебедь.— Что?

— Нужно с т р а д а н и е,— сказал Диц.— Разве трудно понять? Кто-кто,а уж вы-то должны были понять это, г о с п о д и н Лебедь. Вам и вашим друзьям нужен терновый венец национального страдания. В серьезную, с а м у ю серьезную борьбу вы включитесь чуть позже. Вы меня поняли, господин Лебедь?

...Гестапо зафиксировало три самоубийства членов ОУН. Один из самоубийц, учитель Гребенюк, написал в предсмертной записке: «Я был самостийником, а сейчас я понял, что я наймит. Я считал себя патриотом вольной Украины — оказалось, что я обезьяна, таскавшая каштаны из огня для гитлеров. Мне стыдно жить».

А девятнадцатилетнего легионера «Нахтигаля» Миколу Шаповала, сына крестьянина Степана, повесили во дворе львовской тюрьмы. Было выстроено каре немецких солдат. Поодаль стояли оуновцы из штаба Мельника.

— Предавший идеи рейха украинский бандит Микола Шаповал за измену делу великой Германии приговаривается к смертной казни через повешение. Так будет с каждым украинцем, который мыслью, словом или делом изменит великой Германии,— зачитал приговор Диц, внимательно глядя на лица мельниковских штабистов.

Те стояли тихие: и в глазах у них был страх и затравленное, рабье почтение...

Полковник Лахузен, помощник адмирала Канариса, все-таки успел встретить Оберлендера — все берлинские аэродромы контролиро-

вались армией, поэтому о сроке прибытия «юнкерсов» из Львова в штабе ОКВ (и соответственно в абвере) узнали незамедлительно.

Поскольку Оберлендер не был арестован, а лишь вызван в партийную канцелярию для объяснений, Лахузен посадил его в «майбах» и сказал:

— Гиммлер выиграл. На этом этапе выиграл. Но Розенберг и Канарис настояли, чтобы Бандера был помещен в особый «коттедж» Заксенхаузена: там держат «национальные резервы», с которыми предстоит работа. На определенном этапе и при определенных обстоятельствах мы вернемся к Бандере. Он будет в ореоле мученика национальной идеи — это впечатляет. Вам следует опередить события: внесите предложение немедленно отвести «Нахтигаль» в генерал-губернаторство. Предложите придать легиону полицейские функции на польских или сербских землях.— Лахузен закурил и, глубоко затянувшись, добавил: — Или на французских. Главное — сохраняйте лицо. Канарис, мне кажется, уже договорился о вашем откомандировании в Прагу по линии моего отдела с продолжением работы в университете. Потом мы снова переведем вас в Россию, как только падет Москва: надо будет налаживать сельское хозяйство в черноземных областях — это ваш конек.

— Обидно,— сказал Оберлендер, и его мягкое, округлое лицо ожесточилось.— Обидно, когда проигрываем в мелочах.

— Всякий проигрыш чреват выигрышем. Относитесь к проигрышу как к предтече победы. Гитлер уйдет — дух нации вечен. Он сделает то, что должен был сделать,— доделывать предстоит нам.

Оберлендер посмотрел на Лахузена изучающе, скосив глаза, словно конь.

— Не слишком ли рискованно говорите, полковник?

— Я веду машину, радио включено, вас вызвали для головомойки — какой вам смысл доносить? Осуждая личность Адольфа Гитлера, я думаю лишь о величии Германии, ни о чем другом. И потом, знаете ли, лучше получать тысячу марок за то, что держишь язык за зубами, чем сто — за то, что держишь кирку в руках.

— Разумно,— согласился Оберлендер.— Весьма разумно. Для себя — не для дела. Значит, идея вассальных славян исчерпала себя?

— Пока еще трудно говорить. Армия поддерживает Розенберга. Возможно, нам удастся внести в один серьезный документ пару весьма важных абзацев. Мы думаем, что фюрер — на этой стадии — подпишет наш документ; у него нет времени вчитываться в абзацы, поскольку большевики отчаянно дерутся. Абзацы трудно протаскивать в дни мира; война помогает тем, кто рискует...

* * *

...Розенберг отправил во Львов директивы, поручив аппарату партийного гаулейтера ознакомить с ними всех сотрудников министерства восточных территорий; копия была вручена им фюреру, чтобы «отвести всяческие инсинуации по поводу моего так называемого либерализма по отношению к славянам».

Первый документ назывался «Памяткой для молодых работников рейхсминистерства» и гласил следующее:

«1. Не ошибается тот, кто не посвятил себя борьбе.

2. Краткие указания в форме приказа — никаких разъяснений: украинцы хотят видеть в нас авторитетных руководителей.

3. Если у тебя и есть основания возмущаться немцем, твоим коллегой,— не делай этого при украинце. Перед украинцем защити и покрой любую ошибку немца.

4. Решающее: новодобытые территории на Украине принадлежат немцам отныне и навечно. Поэтому следует применять крайне жесткие меры по отношению к местному населению, если этого потребует государственная необходимость.

5. Не терзайся последствиями твоих действий для украинца — думай об интересах Германии.

6. Не вздумайте привлекать украинцев к национал-социализму! Не подпускайте их к нашим задачам!

7. Бедствия и голод украинцы переносили столетиями. Не вздумайте предложить им немецкий стандарт!

8. Никакого сострадания к украинцу! Вы хозяева — отныне и навсегда!»

Следующая директива носила чисто экономический характер, разъясняя, каковы должны быть нормы выдачи продуктов на душу населения.

«Работающий украинец получает по отрывным талонам двести граммов хлеба в день. Ребенок — сто граммов. Работающему — и только ему — в месяц выдаются по карточкам следующие продукты: 60 граммов масла (из расчета 2 грамма в день); 400 граммов муки, 300 граммов крупы, 1,5 килограмма мяса, 250 граммов сахара, 2 коробка спичек, 30 штук папирос».

По поводу промышленных товаров директива гласила следующее:

«Если украинец пожелает купить пальто, костюм или туфли, он обязан написать мотивированное заявление управляющему домом, который должен создать комиссию для обследования заявителя: в какой мере тот нуждается в ботинках или пальто; две пары ботинок или два костюма украинцу иметь запрещено. Заключение об истинном экономическом положении заявителя и о состоянии его обуви и костюма должно быть передано в районную управу, а оттуда — с заключением авторитетного служащего (желательно завизированное немецким руководителем) — пересылается в городскую управу, которая выносит окончательное решение».

Другие предписания исходили уже не от Розенберга, а из различных управлений рейхсминистерства, но все они были завизированы руководителем «украинского отдела» Смаль-Стоцким.

Предписания эти были сугубо конкретными: «...украинцам лекарств не отпускать. Университет не открывать. В театр разрешить вход украинцам только по пятницам и вторникам. В кинотеатры, кроме «Глории», «Метро» и «Коперника», украинцам вход запрещен. Район бывших Красноармейских улиц, где размещены офицеры вермахта и СС, для украинцев закрыт. За нарушение расстрел на месте. Гетто для тех евреев, которые будут обнаружены после а к ц и и, определено в районе Подзамче. За нарушение светомаскировки расстрел. За появление на улицах после 22.00 и до 6.00 расстрел (пропуска и разрешения на перемещения по району получать в дистрикте на улице Чернецкого, в бывшем здании Воеводства). Всех душевнобольных в клиниках уничтожить, как дармоедов. За укрывание украинских, русских коммунистов и евреев расстрел. Для вновь открываемых врачебных кабинетов, принадлежащих собственникам, установить расценки, превышать которые не разрешено: операция по удалению аппендицита не должна стоить больше 750 рублей; удаление гланд — не более 600 рублей; удаление паховой грыжи — не дороже 1500 рублей. Собственникам, открывающим аптеки, запрещено продавать лекарства по ценам выше, чем: порошок от головной боли — 13 рублей, таблетку красного стрептоцида — 25 рублей, кальцекс и аспирин — не дороже 10 рублей за один порошок. Целую упаковку (десять порошков) украинцам продавать запрещено. Разрешить украинцам, проверенным по линии службы безопасности, открыть частные лавки и магазины. Обязать владельцев лавок и магазинов вывесить объявления на немецком и украинском языках. Обязать владельцев лавок и магазинов поместить в красном углу портрет великого фюрера германской нации и новой Европы Адольфа Гитлера».

...Прочитав эти документы, Штирлиц какое-то время сидел оцепенев. Он еще раз посмотрел подпись Смаль-Стоцкого, и брезгливая, дергающаяся гримаса появилась на его лице.

Сделав фотокопии, чтобы передать их новому своему связнику для отправки в Центр, он спрятал документы в сейф и поехал к Дицу. Он ехал по городу, облик которого за несколько дней стал иным. Он видел, как немецкие солдаты срывали таблички с названиями улиц: площадь Рынок стала Кракауэрштрассе, улица Абрагамовичей сделалась Кляйнштрассе, Пидвальна — Ам Грабен. Штирлиц ехал медленно, яростно сжимая руль, и думал о том, что сейчас надо держаться, как никогда раньше, потому что, прочитав документы Розенберга, он еще раз убедился в обреченности гитлеризма — вопрос времени, и только. А уж то, что время — это кровь и гибель тех, кто первым принимает бой со злом, что ж, сие — данность, диалектика, как говорится...

Штирлиц рассуждал сейчас спокойно, впервые за последние дни спокойно. Он рассуждал о том, почему нацисты решили сделать ставку на мелких лавочников. Это только кажется, думал Штирлиц, что собственность делает человека личностью. Нет, собственность делает человека своим рабом, а разве рабы могут быть проводниками нового? Пушкин и Кант были богаче тебя, Геринг, с твоими концернами, и с твоими «народными заводами», и с твоими «народными германскими банками», потому что они были свободны в своей мысли и им было о чем мыслить, а тебе некогда мыслить, потому что тебе надо пить и жрать на приемах в рейхсканцелярии, принимать парады люфтваффе, выслушивать доклады адъютантов, давать санкции на расстрелы, читать победные сводки, а все это подминает тебя, и в душе у тебя нет ничего, потому что ты лишен страсти познавать. Тебя ведь не интересует, есть ли конец вселенной, а если нет, то как это уместить в разуме; тебя не интересует, что такое людская память, как она живет в веках и кто хранит ее, эту память. Глупые наци, вам не понять, что мечты детей — это будущее общества. О чем мечтают дети? Вы думали об этом в своих рейхсканцеляриях? Разве вы помните свои детские мечты? Разве вы умеете узнавать мечты своих детей? Ведь нормальные дети мечтают стать пилотами или дирижерами, хирургами или шоферами, маршалами или актерами, но никто из них не мечтает стать лавочником. Дети хотят иметь гоночный автомобиль, но не таксомоторный парк, куклу, но не фабрику кукол. Лавочник — раб достигнутого. Для него нет иных идеалов, кроме как удержать, сохранить, оставить все, как есть. А это невозможно в наш век — оставить все, как есть. Миру сообщена скорость, новая, особая скорость, и ее нельзя погасить, и мелкий лавочник, раб вещи, ее владелец и собственник, смешон в мире новых скоростей, которые целенаправленны.

Если бы ты, фюрер, служил идее серьезной, реальной, а не химерической, ты бы ставил на иных и на иное. А ты слаб, фюрер, от начала и до конца слаб, хотя кажешься сейчас таким сильным и несокрушимым, и так все орут в твою честь «хайль» и так благоговеют перед тобой. Но ведь важно быть, а не казаться, фюрер. Надейся на лавочника, фюрер, надейся! Я очень прошу тебя, считай его своей опорой. Думай, фюрер, что благополучие нескольких тысяч в многомиллионном море неблагополучия — та реальная сила, которая будет служить тебе опорой. Тысяча не может быть опорой, если дело касается миллионов. И эти миллионы должны узнать, что им приготовил твой Розенберг. И они узнают об этом. Я уж постараюсь, чтоб они узнали об этом.

Штирлиц увидел, как в тюрьму заехали три машины, три к р ы т ы е машины. Штирлиц остановил свой «вандерер» у проходной, показал жетон и вошел в тюремный двор. Трупы, раздетые донага, с двумя огнестрельными ранами: на груди и голове,— лежали возле стены. Деловитые эсэсовцы ходили среди трупов, переворачивали тела и склонялись над лицами. Слышался быстрый перестук металла: эсэсовцы выбивали молотками золотые коронки.

Штирлиц почувствовал дурноту, отвернулся, пошел в умывальню, ополоснул лицо студеной, с голубинкой водой и, деревянно ступая, вышел из тюрьмы. Он долго сидел в машине, не в силах повернуть ключ зажигания. А потом он приказал себе ехать к Мельнику, говорить с Дицем, писать рапорт Шелленбергу — надо работать, чтобы все знать и все помнить. Это очень плохое качество — месть, но если за все это не придет возмездие, тогда мир кончится, и дети будут рождаться четвероногими, и исчезнет музыка, и не станет солнца, и будет вечная, черная, беззвездная ночь. Память хранят люди и выражают ее мщением, когда иначе поступать нельзя, ибо во всем, всегда и для каждого есть предел.

Н. Жуков. ЕГОРКА.

ВО ДВОРЕ

Н. Жуков. МАЛЬЧИК С ФЛАЖКОМ.

ЗОЛОТОВОЛОСЫЕ УПРЯМЦЫ

Александр **ИВАНЧЕНКО**

Наша китобойная флотилия «Советская Украина» вела промысел крупных китов-полосатиков. Загарпунив океанского исполина, его накачивали воздухом, чтобы он не утонул. Потом суда-охотники свою добычу на буксире тянули к базе — флагманскому кораблю флотилии.

Однажды на туше кита мы увидели стайку золотоволосых пингвинов. Нас это не удивило. В Антарктике такое случается не так уж редко. Открытый океан пингвинам не страшен. В погоне за косяками рыбы они уплывают от берега на десятки миль. Если на пути им встретится убитый кит, они обязательно заберутся на него передохнуть.

Когда кита берут на буксир, его пернатые седоки обычно торопливо соскакивают в воду. Но на этот раз соскочили не все, четыре пингвина покидать свое место отдыха не желали. Мы пробовали согнать их, но они, побарахтавшись в воде, снова карабкались на кита. Очень настырная публика.

Одну колонию таких пингвинов я видел на Фолклендских островах. Хотя в Антарктике мне довелось насмотреться на разные пингвиньи царства, но от фолклендских золотоволосиков трудно было оторвать глаз. Они совершенно особые. Главная черта пингвиньего характера — любопытство. Но к фолклендским пингвинам это не относится. Любопытства у них нет ни на грош. Но коварства предостаточно. Они злобно шипят на любую птицу, которая проходит мимо, и обязательно стараются ее клюнуть. А когда та оглядывается, делают вид, словно ничего не произошло, сидят в гнездах так, будто сидели в этой позе много часов.

Гнездятся они на прибрежных скалах, а материал для гнезд берут у самой кромки моря — выброшенные на берег водоросли. Носить их оттуда трудно и хлопотно. Куда легче стащить пучок-другой у соседа. Потихоньку стянет, подомнет под себя — и быстренько прихорашиваться, как будто только этим и занимался. Если же сосед заметит и начнет негодовать, воришка таращится на него с искренним изумлением: кто, я? Да вы с ума сошли!

Во всем же остальном они очаровательны, если не считать, конечно, воинственного упрямства. Из-за них, этих упрямцев, наш китобоец подошел тогда к китобазе позже всех, в темноте. Матросы упросили капитана идти самым малым ходом. На полном ходу кита сильно болтало и волны сбивали пингвинов с ног. А они так старались удержаться!

Казалось, им захотелось попасть на палубу китобазы. Мы не возражали. Хотите — пожалуйста!

Так на флотилии появилось четверо антарктических новоселов. Моряки решили привезти их на родину, чтобы потом передать в зоопарк. Возни с ними было много. Пингвины не ели ничего, кроме рыбы. Но китобои ведь рыбой не промышляют. Наш доктор подал идею:

— Давайте организуем бригаду рыболовов!

А что делать? Не морить же птиц голодом. Смастерили крючки, удочки — никаких рыболовных снастей у нас не было.

По вечерам, как только китобаза ложилась в дрейф, несколько человек бежали на корму рыбачить. Хороший клев или плохой — ловить надо. И немало. Вроде бы небольшими были пингвины, сантиметров по семьдесят росту, а рыбы в день каждый съедал килограмма три.

Потом, возвращаясь из Антарктики, проходили тропики. Пингвинам стало жарко. Найдут где-нибудь тень и, нахохлившись, сидят едва живые.

Устроили для них на палубе бассейн. Затенили его брезентом, но вода все равно быстро нагревалась. У нашего доктора снова идея:

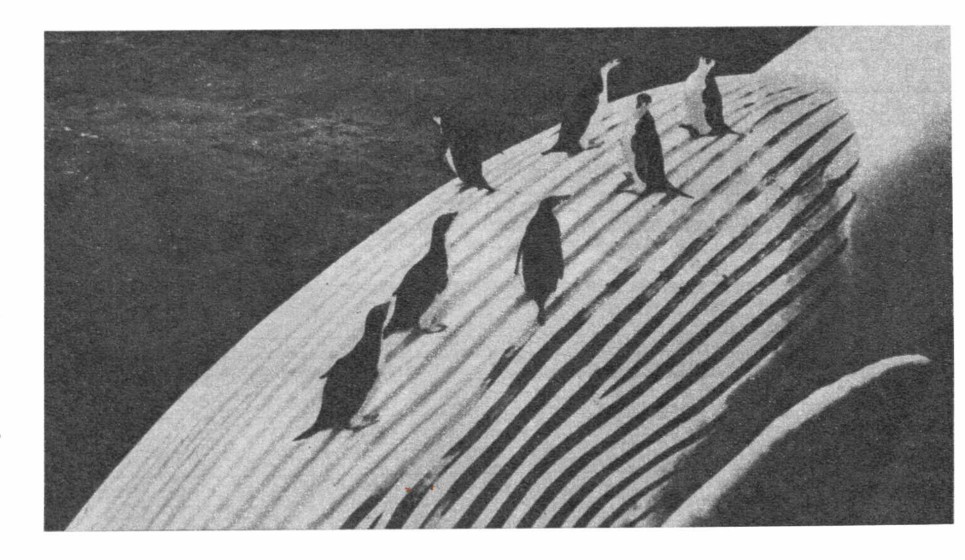
— Охлаждать воду надо, ребята. Пусть наши механики сообразят.

Сообразили. В судовом рефрижераторном отделении начали делать лед и через каждые два часа сыпали в бассейн несколько ведер ледовой крошки.

Три пингвина купались охотно и чувствовали себя прекрасно, а четвертый будто погибать собрался от жары. Кинут его в бассейн, а он — на палубу. Раскроет клюв и ртом воздух ловит, еле дышит.

Тогда специально для него сделали холодный душ. Он ему, наконец, понравился, готов был сидеть под ледяным дождем круглые сутки. Рефрижераторные машинисты ругали привереду, но лед в пингвинью душевую носили аккуратно. Потом назвали этого пингвина Дружком, простили ему все капризы. Очень он был забавным и всегда с удовольствием позировал перед фотоаппаратом.

Вот так и добрались пингвины до Одессы. А потом их отправили в Ленинград, здесь им больше подошел климат.

На туше кита пингвины чувствуют себя в безопасности.

Фото автора.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. И. СЕРЕБРЯКОВОЙ

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ

По давним-давним временам я помнил ее книги, ставшие библиографической редкостью. И вдруг — встреча с самой писательницей... Это случилось почти двадцать лет назад.

На мой вопрос, собирается ли она переиздавать свой первый роман, Галина Серебрякова ответила с улыбкой:

— Роман «Юность Маркса» только что вышел, вот взгляните.— И подала мне солидный том в светло-розовом коленкоре.— Пишу продолжение. Если бы вы знали, с каким наслаждением работается! — И пояснила: — Ведь задуманная вторая книга романа во многом уже написана...

Речь шла о «Похищении огня», за которым вскоре последовал роман «Вершины жизни». Так сложилась известная трилогия под общим названием «Прометей». К ней примыкает опубликованный несколько лет спустя роман «Предшествие» — о последних годах жизни Фридриха Энгельса. Романы издавались неоднократно огромными тиражами, а купить их можно разве лишь у букинистов.

И это понятно. Образами основоположников научного коммунизма интересуются миллионы людей. Подвиг Маркса может быть сравнен с подвигом легендарного Прометея, похитившего с неба огонь для счастья человечества.

Книги Г. Серебряковой — это политические романы. И все в них подчинено всестороннему изображению Маркса, воссозданию его образа, характера. В романах много блестяще написанных драматических и трагических картин и сцен. Есть вдохновенные страницы о любви. Живо и непосредственно обрисованы характеры множества выдающихся исторических деятелей с их достоинствами и недостатками, с озарениями и падениями.

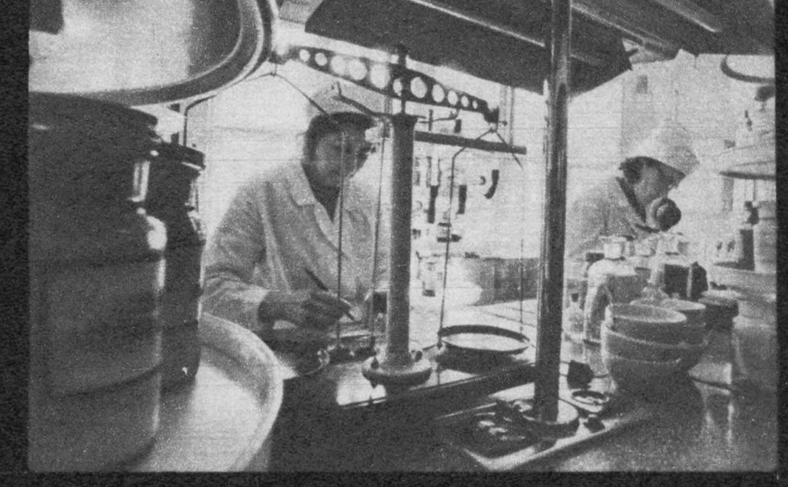
О Марксе существует огромная научная, пропагандистская и мемуарная литература — многие сотни книг и брошюр. Художественных произведений о нем не было. Своими талантливыми романами Галина Серебрякова счастливо восполнила этот пробел. Ее перу принадлежит и еще несколько интересных произведений, в том числе два сборника новелл: «Женщины эпохи французской революции» и «Странствия по минувшим годам».

В тысячах писем читатели благодарят писательницу за книги. Мы верим, что Галина Иосифовна Серебрякова еще подарит нам не одно произведение.

Михаил ШКЕРИН

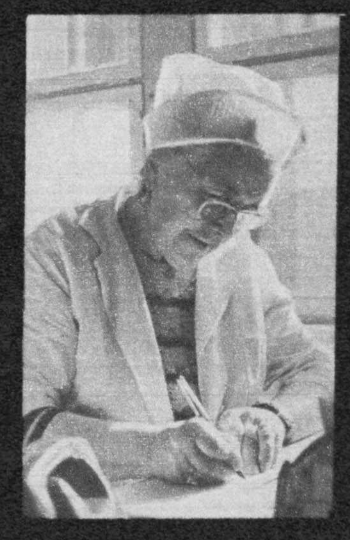
Добрый старый дом под змеей и чашей.

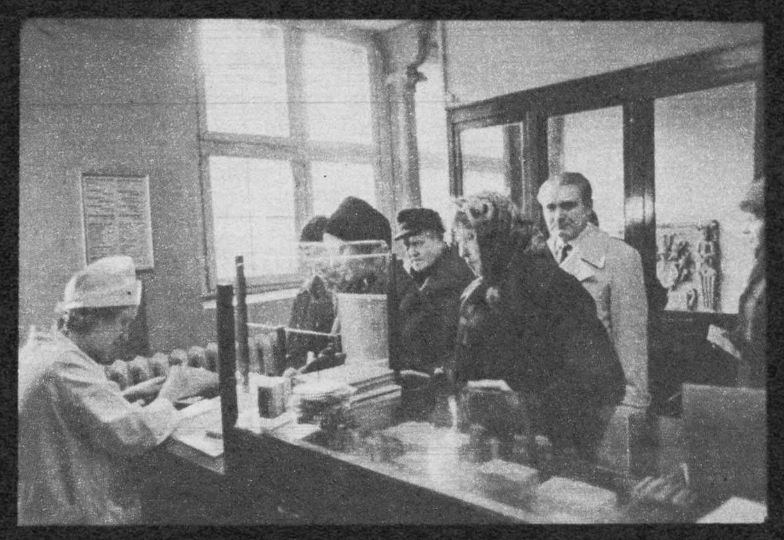
Великое таинство

Хайло Лийас — глава династии.

Шестьдесят лет служит здоровью Юстина Корен.

Провизор-рецептор Леа Алба.

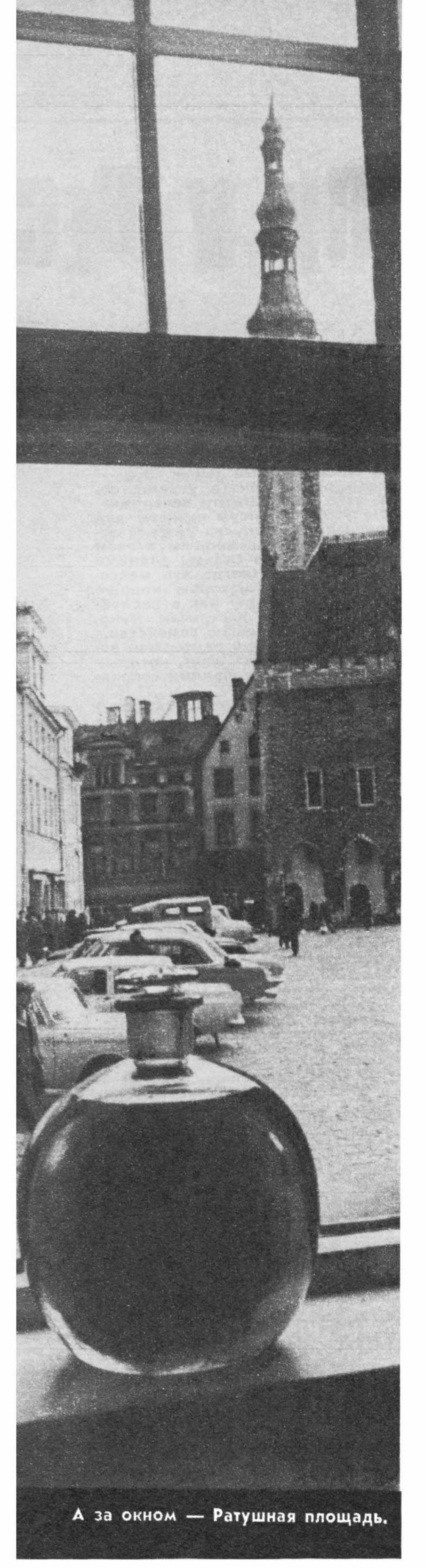
ВХОДИТ ПАЦИЕНТ В АП

Овеянные веками экспонаты.

А за окном — Ратушная площадь.

ТЕКУ...

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ

Выйдешь на площадь, и, куда ни повернешься, кругом каменно стоят века — начиная с четырнадцатого и до юного двадцатого. Адрес этого исторического чуда известен миллионам людей: Таллин, Ратушная площадь. Известна и одна из старейших в Европе Ратушная аптека. Впрочем, заведующий Хайло Лийас думает иначе.

— О нашей аптеке больше знают в Москве, Ленинграде, Хельсинки, чем в самом Таллине,— с некоторым оттенком обиды говорит он.

— Еще бы! Турист на то и турист, чтобы докапываться до самых неведомых деталей. В других городах мы, таллинские туристы, тоже ворон не считаем. А про свою аптеку знаем только, что в давние времена она принадлежала династии Бурхартов.

Ох, мало, мало мы знаем про свою аптеку. Вот послушайте. «...В год господен одна тысяча четыреста двадцать два, в понедельник перед вербным воскресеньем...» — так начинается запись в протоколах Ревельского магистрата о том, что аптекарь Никлавес присутствовал на заседании магистрата и сообщил, что аптека принадлежит десяти почтеннейшим гражданам Ревеля. Вот, оказывается, с каких пор, с 1422 года, Ратушная аптека прописана в истории города...

Живет в Таллине интереснейший человек — Хейно Августович Густавсон. Он историк, исследует биографии старых эстонских заводов. В архивах напал на историю эстонской медицины и написал книгу «О старых таллинских аптеках». Был у Хейно Августовича предшественник, Э. Зейберлих, который еще в 1912 году издал в Риге на немецком языке книгу «Старейшие аптеки Лифляндии и Эстляндии». Но один только этот источник никак не мог устроить чрезвычайно любознательного Густавсона. В конце своей книги он прилагает список изученных им разных исследований и документов о старых аптеках, и состоит этот список из... 625 наименований!

С пятнадцатого века по восемнадцатый Ратушная аптека была единственной в городе. Перечень лекарств, которые в ней изготовлялись, необычайно заманчив. Это жженые пчелы, долы бобового стебля, сушеные лягушки, змеиный жир, копыта жеребца, сушеные ежи, заячьи сердца, жир дождевых червей, кровь козла, пояса из человеческой кожи... Однако! Были какие-то пилюли с латинским названием, которое переводится так: «Пилюли, без которых не хочется жить». Не обходилось без вопиющих противоречий: с одной стороны, например, лечили от алкоголизма аметистом, а с другой — бурно торговали вином под названием «кларет», любители кларета не давали аптекарям покоя и по ночам. Аптекарь был обязан поставлять кларет в ратушу «бесплатно, для пробы, в знак дружеской признательности».

Шли годы, менялись лекарства, менялись аптекари, неизменно оставаясь уважаемыми в городе людьми. В историю вошли Иоганы Бурхарты, и была в их роду традиция — старших сыновей называть Иоганами и обучать фармацее. Были у них весьма сановитые пациенты. Приехал, например, в Ревель Петр I и заболел: типичная тогдашняя прибалтийская «грудная слабость», нечто вроде хронического воспаления легких. Эта болезнь и унесла его в могилу после спасательных работ во время петербургского наводнения. И поныне говорят у нас в Таллине, что заболевал он тут часто и каждый раз обращался к Иогану Бурхарту-пятому, успешно лечившему Петра своими декоктами и микстурами. Есть сведения, что состояли русский царь и ревельский аптекарь в переписке и будто хранится она в огромных, не разобранных еще ленинградских архивах. Однако есть и документированный факт: когда Петр простудился и заболел во время наводнения, то в Ревель был срочно послан гонец, и Бурхарт помчался в Петербург, но не застал уже царя в живых.

В наши дни мы входим точно в такое же здание, в какое входил пациент шестнадцатого века. В помещении, где готовятся лекарства, в углу стоит затейливый, с балюстрадами, столетний шкаф. Если войти в него и сквозь дно по узкой лестнице спуститься в подвал, где размещается музей аптеки, то можно увидеть два деревянных ларя с надписями «тысячелистник» и «анютины глазки». Лари сбиты деревянными гвоздями, чтобы хранившиеся в них травы не портились от ржавчины. Здесь же книга-хроника, составленная одним из аптекарей, К. Р. Лебертом; грамота Петра I об учреждении государственных аптек в России; разных размеров штанглазы — узкие, высокие, стоячие сосуды; глиняные банки для мазей; мензурки, ступы, пестро разрисованные сигнатурки. На стене — старинные гербы и грамоты. Во дворе, в специальном сооружении, — 300-летний пресс для изготовления тинктур. Пациент входит в аптеку, и его очаровывают запахи уже приготовленных для исцеления лекарств; и тайны средневековой алхимии; и предметные свидетели аптечного дела почти шестисотлетней давности.

Работники Ратушной аптеки тоже очарованы своим необычайным хозяйством. Заведующий Хайло Лийас сказал:

— Сейчас познакомлю вас с нашей старейшей работницей.

Быстрой и легкой походкой вошла седовласая, вся в белом и крахмальном красавица. Я спросила:

— Когда же вы поступили сюда работать?

— Ой, — удивилась Юстина Александровна Корен,— да именно в этот день, только сорок пять лет назад.— Вообще-то в целом мой рабочий стаж в фармацее — шестьдесят лет. Я начинала в аптеке города Аренсбурга, теперь Кингисеппа, что на острове Саарема, это было в самом начале первой мировой войны, все мужчины-фармацевты ушли на фронт, и было мне тогда восемнадцать лет.

Для женщины в те времена должность фармацевта была примерно то же самое, что в наше время работа пилота или капитана корабля. И это вдохновляло юную островитянку. Она закончила курсы при Тартуском университете, сдала очень строгий экзамен по латыни и стала аптекарем в маленьком городке.

— А владелец аптеки был придира, — рассказывает Юстина Александровна, — требовал работать без перерыва, даже на обед не отпускал, мама из дома еду приносила. Работала я по двенадцать часов в сутки, и через двое суток на третьи было еще круглосуточное дежурство. К тому же он требовал, чтобы мы быстро двигались, и имел обыкновение для этого наступать нам на пятки, в прямом смысле, конечно. Так я проработала пятнадцать лет, а потом пригласили сюда, в Ратушную аптеку, было это поздней осенью 1930 года.

— Может быть, в то время, когда вы сами готовили лекарства, было интереснее?

— Нет. И тогда и теперь мы думаем о главном — о людях, которым должны помочь. А чем быстрее больной получит лекарство, тем для него лучше.

Лийас рассказывал еще:

— Тринадцать лет проработала у нас Зинаида Ивановна Лийват, теперь она на пенсии и улетела отдыхать на юг. А когда надо, мы ее зовем, и она приходит, помогает. Ольга Рейнсалу тоже уже тридцать лет сидит за кассовым аппаратом. Да и сам я работаю здесь давно.

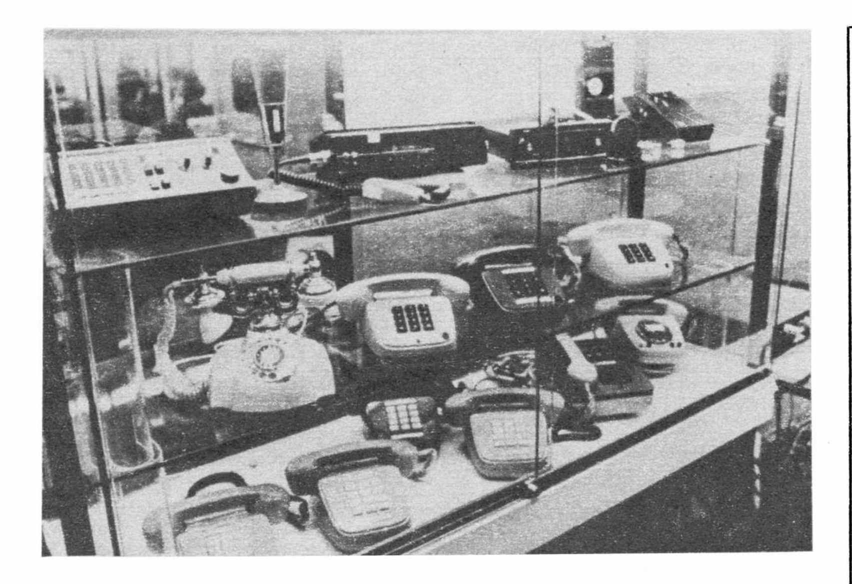
То, что мы узнали о семействе Лийаса, в традициях Ратушной аптеки. Как некогда Бурхарты, так сейчас сам Хайло Лийас является главой рода современных таллинских фармацевтов и провизоров. После окончания университета он вот уже 35 лет работает провизором, из них четверть века заведует Ратушной аптекой. Вместе с ним кончала университет его жена, провизор Юта Лийас, сейчас она тоже заведует одной из таллинских аптек. Их сын Трюгге Лийас — тоже провизор и тоже заведующий аптекой, их дочь Терье Лаан тоже заведует аптекой, но в Тарту. Сестра Хайло Лийаса заведует аптекой в Тамсалу, а жена сына Эда Лийас работает рецептором в новой аптеке таллинского микрорайона Мустамяэ. Итого, пока шесть человек. Пока, потому что племянница, Майла Нурм, в этом году поступила в Тартуский университет, и, конечно, на медицинский факультет. Если так пойдет и дальше, то семья Лийасов сильно перещеголяет семью Бурхартов: ведь Лийасы за тридцать пять лет дали шесть провизоров и фармацевтов, а Бурхарты за три столетия — десять.

А вот как растет в Ратушной аптеке количество рецептов. В 1884 году их было 4 415, в 1916-м — 32 296, в 1920-м — 22 943, а в 1970-м — 263 000! Эстонская ССР по употреблению лекарств занимает одно из первых мест в Советском Союзе. Хорошо это или плохо? Конечно, хорошо. Ведь благодаря лекарствам здесь искоренена такая застарелая для республики болезнь, как туберкулез. Средний возраст жителей Эстонии продлился, конечно, в первую очередь благодаря улучшению материальных условий. Но какую-то роль сыграла и фармакология.

— Хватает ли лекарств? Есть ли все необходимое? — спрашиваем у Лийаса.

— План выполняем. А как же иначе — стоим на самом бойком месте в городе! Мимо нас ежечасно проходят сотни таллинцев и сотни приезжих. Как им не заглянуть к нам, не купить по пути необходимое? Поэтому подчас приходится и отказывать. Но мы не отказываем наотрез! Пациент оставляет нам почтовую открытку со своим адресом, и, когда лекарство поступает, извещаем его, и он довольно скоро возвращается к нам.

...За стеной, в гулком переулке Сайаканг, звучат шаги и разноязыкая речь, туристы наводят фотообъективы на кованый символ фармацеи — чашу со змеей, аптека благоухает лекарствами и романтикой давней заботы волшебников-фармацевтов о нашем здоровье.

Телефон — друг и враг,

или несколько советов о том, как говорить по телефону

Было время, спешные новости приходили в наши дома стуком в дверь, набатом, голосом глашатая, телеграммой, наконец. А ныне? Часто — телефонным звонком. И мы привыкли к этому. А привычное редко вызывает раздумья. Редко задумываешься и над тем, что он есть, телефонный аппарат, — друг или враг? Телефон объединяет нас, но иногда и разъединяет: потолкуешь, вроде и в гости можно не ехать...

Привычность телефона вовсе не освобождает нас от надобности умело с ним обращаться. И выработать для себя некоторые правила, которым полезно следовать. Например, когда снимать трубку звонящего телефона? Лучше всего — в паузе между вторым и третьим звонком, сразу после второго. Как отвечать? Слово «алло» придумано специально для телефонной беседы, оно словно вводит в телефонный разговор, настраивает на него. Доказано, что и стандартное «да» и не менее распространенное «слушаю» не столь «телефонны», как «алло».

Если у вас посетитель, вы с ним разговариваете и зазвонил телефон — кому отдавать предпочтение? По логике, человеку, сидящему перед вами: ведь снимая телефонную трубку, вы прерываете разговор с ним. Что же — не отзываться на звонок? Нет. Извинитесь, снимите трубку. И если телефонный разговор рискует затянуться, попросите позвонить чуть позже. Или, освободившись, позвоните сами.

Телефон пожирает массу времени. Подсчитано: телефонные разговоры занимают в среднем 11 процентов рабочего дня директоров машиностроительных заводов.

Как говорить по телефону? Есть люди, которые иначе, как громко, не говорят. Немало и таких, кто всякий раз, когда слышит собеседника плохо, начинает форсировать голос, говорить «на пределе». Почему? Это не поддается логическому объяснению. Но, заметим, телефон вовсе не безвреден. Установлено, что те, кто особенно часто и подолгу разговаривает по телефону, теряют слух раньше и в большей степени. Кстати, о продолжительности телефонного разговора: у мужчин она в среднем составляет 3—4 минуты, у женщин достигает 18—20 минут.

Когда звонить? Если вы не знаете распорядка дня того, кому звоните, и нет острой необходимости, старайтесь отложить разговор на вторую половину дня. Ведь утро — наиболее продуктивные часы для работы. Когда звоните кому-либо домой, не делайте это очень рано. Поднимая трубку, вспомните реакцию абонента, которому однажды позвонили в шесть утра, хотя нужды в этом не было. «Говорит твой друг»,— услышал он. И ответил: «Тот, кто звонит так рано, не может быть мне даже приятелем».

Напомню еще один почти анекдот. В квартире зазвонил телефон. Однако хозяин даже не обратил внимания на звонок. «Я телефон поставил для своего удобства, а не для удобства других», — пояснил владелец.

Конечно, это уже крайность. Но кто застрахован от крайностей?

* * *

Все эти и многие другие факты, примеры, подсчеты привел кандидат технических наук Б. Н. Волгин в прочитанной им в Московском Доме ученых лекции «Анализ телефонного общения». Я с большим интересом слушал лекцию и делал по ходу ее записи, которые вы только что прочли. Но прежде чем сдать заметку в набор, позвонил Борису Николаевичу Волгину по телефону и перепроверил цифры. Что ни говорите, он очень удобен, телефон.

К. БАРЫКИН

В гостях у вес

В минувшем марте он перешагнул полстолетия. Половина из них прожита с карандашом в руках, даже и теперь, когда мы беседуем, он не может обойтись без него.

— Представьтесь, пожалуйста, нашим читателям.

— Эрих Шмитт, карикатурист. Берлинец. Женат. Имею двух сыновей. Ульрих служит в Национальной народной армии, Томас работает в фотолаборатории.

— И старший и младший, кажется, унаследовали интерес к веселому карандашу!

— Во всяком случае, однажды в нашем популярном журнале «Нойе берлинер иллюстрирте» появилась серия карикатур под моей фамилией, к которым я не имел никакого отношения. Это все «натворили» сыновья! И я, конечно, не обиделся на них. По-моему, это замечательно, что в нашей семье, как и в любой другой семье, живущей в ГДР, каждый может заниматься тем, к чему имеет призвание.

— Хотелось бы услышать, когда родился художник Шмитт?

— Это было четверть века назад. Хорошо помню то время. Многие парни, как и я, бродили тогда по Берлину в поисках работы. Я был слесарем, любил рисовать и даже не подозревал, что вскоре буду каждый день рисовать карикатуры на самые злободневные темы для наших газет и журналов. Как-то я собрался с духом и отнес свою первую работу в молодежную газету «Старт». Рисунки понравились, их напечатали, этот день я считаю днем рождения художника Эриха Шмитта.

— Пробовали ли вы подсчитать, сколько же за эти годы сделано рисунков?

— Увы! Но если учесть, что они появлялись ежедневно (кроме дней моего отпуска, конечно), то, пожалуй, получится что-то около восьми тысяч. Это — дело рук «Шмитта утреннего». А есть еще «Шмитт вечерний». По утрам я рисую сюжеты для очередного выпуска газет, а вечерами за письменным столом встречаюсь со своими давними знакомыми. Иногда это медсестра Моника, которую хорошо знают и любят у нас в республике, иногда весельчак Куно, а порой я навещаю семейство... русалок! Все они персонажи восемнадцати моих книг, которые выходили несколькими сериями.

— Что вы можете сказать о минувшем годе?

— Этот год был годом большого юбилея — 30-летия Победы над фашизмом. Для всего прогрессивного человечества 1945 год — важный рубеж. Ну, а для нашей страны эта дата открыла путь к рождению первого социалистического государства на земле Германии.

И сегодня, оглядываясь на минувшие годы, я твердо могу сказать: мне удалось достичь гораздо большего, о чем я мог когда-то мечтать. И этим я обязан ГДР. Сегодня каждый гражданин нашего государства может на примере собственной жизни убедиться в том, что путь, намеченный партией, — правильный и успешный. Наш труд не был самоцелью. Все, что делалось и делается,— на благо человека труда, таков закон социализма.

Я хочу пожелать счастья и успеха всем читателям «Огонька» в новом, 1976 году. Вместе с Ульрихом мы шлем вам наши новогодние улыбки.

Беседу с Эрихом ШМИТТОМ записала Н. ИВАНОВА.

Берлин.

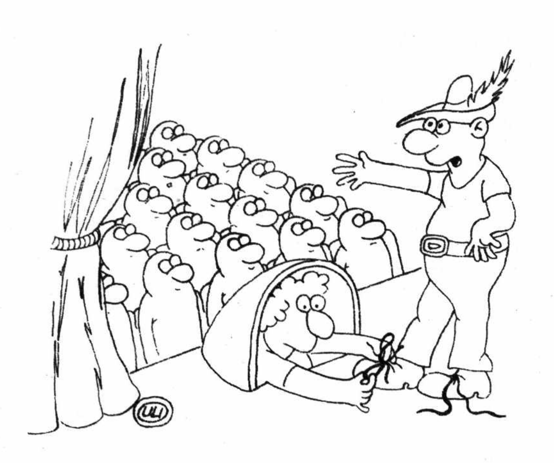
«Вера и горы свернет»,— говорится в поговорке. А мы сдвигаем горы силой дружбы наших стран.

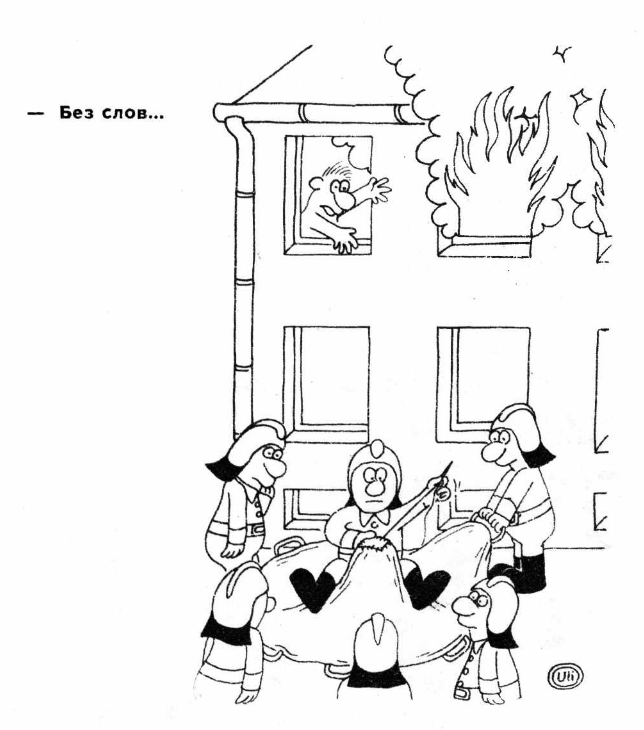
ЕЛОГО КАРАНДАША

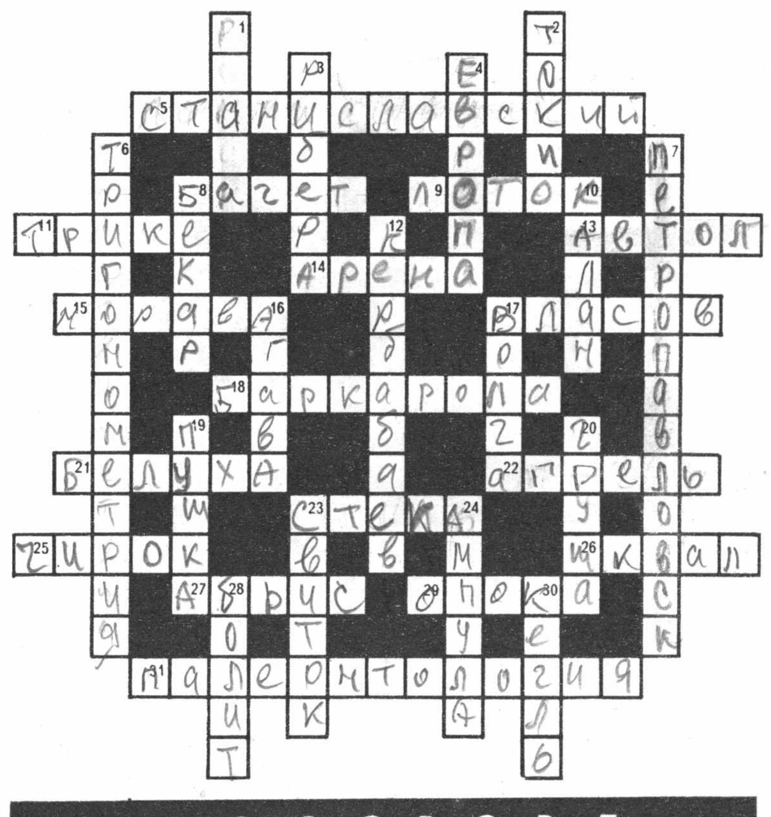

БАМ: когда ближайший поезд от Байкала до Амура?

— Без слов...

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Режиссер, педагог, теоретик театра. 8. Планка для рам и карнизов. 9. Открытый прилавок. 11. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 13. Смазочное масло. 14. Площадка для цирковых представлений. 15. Приток Дуная. 17. Персонаж романа М. Горького «Мать». 18. Песня венецианских лодочников. 21. Самая высокая гора на Алтае. 22. Месяц года. 23. Инструмент скульптора. 25. Птица семейства утиных. 26. Резкий, сильный порыв ветра. 27. Очертание предмета. 29. Горная порода, богатая кремнеземом. 31. Наука об ископаемых организмах.

По вертикали:

1. Род художественной литературы. 2. Столица государства в Азии. 3. Испанский живописец. 4. Часть света. 6. Раздел математики. 7. Областной центр в Казахстане. 8. Нотный знак. 10. Камчатский бобр. 12. Туркменский писатель. 16. Тропическое растение. 17. Река в СССР. 19. Артиллерийское орудие. 20. Плодовое дерево. 23. Старинная рукопись. 24. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 28. Большой метеор. 30. Размер типографского шрифта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

3. Танго. 5. Габон. 8. Смородина. 9. Лекок. 11. Банан. 13. Колас. 15. Розина. 17. Кастор. 18. «Обломов». 21. Геракл. 22. Реестр. 23. Пудра. 25. Парад. 27. Стырь. 28. Основание. 29. Кобза. 30. Флокс.

По вертикали:

1. Васнецов. 2. Горбатов. 4. Орск. 5. Граб. 6. Волк. 7. Фирс. 10. Олимпиада. 12. Ассистент. 14. «Ледоход». 16. Атолл. 17. Ковер. 19. Бетатрон. 20. Открытка. 23. Пони. 24. Анна. 26. Доха. 27. Сейф.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наташа Ярошенко работает связисткой в далеком тюменском поселке Сартъеган.

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимы веселые затеи...

Фото В. Кузнецова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/XII — 1975 г. А 00696. Подп. к печ. 22/XII — 1975 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2944. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1484.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ирена Ипакян и Лена Водорезова на занятиях у Г. Б. Титовой.

На занятиях у Станислава Жука.

ЛЕНОЧКА УВЕРЕНА!

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

На школьной переменке.

Хореограф Н. В. Домановская и Леночка (она в центре).

Класс как класс.

Бабушка и внучка.

Лена Водорезова совершает круг почета, за ней — американская фигуристка У. Бэрдж.

На четвертом году жизни Леночка не на шутку озадачила своих родителей.

— Посмотри, как она прыгает со скакалкой,— сказал жене Герман Николаевич.— Ты видела что-нибудь подобное! И как она уверенна!

— Нет, не видела,— призналась Зинаида Михайловна.

Зинаида Михайловна прекрасно понимала, к чему клонит муж: он считает, что Леночкина стихия — баскетбол и только баскетбол. Но он, конечно же, ошибается, Леночке надо заниматься гимнастикой.

Родители маленькой прыгуньи не были дилетантами в спорте. Герман Николаевич тренировал студенческую баскетбольную команду Московского инженерно-физического института, а жена его работала преподавателем физвоспитания в одной из средних московских школ. И хоть их спортивные вкусы разошлись еще в те времена, когда они познакомились, оказавшись на одном и том же курсе Московского института физической культуры, это не помешало им соединить свои жизни и раз навсегда решить, что и баскетбольный и гимнастический залы — равноценные арены для воспитания подрастающего человечества.

И вдруг мирная конвенция оказалась нарушенной. Герман Николаевич и Зинаида Михайловна были уверены, что в дочке теплится спортивный огонек, но как его разжечь поярче! Вот в этом вопросе у них единого мнения не было, и целый год в семье шли споры, пока однажды бабушка Янина Антоновна их не прервала самым неожиданным образом.

— Вы как знаете,— заявила Янина Антоновна,— а я веду завтра Леночку в школу фигурного катания. Чем она хуже других!

...Когда восемь лет спустя Леночка Водорезова давала свое первое интервью, то на вопрос телекомментатора Сергея Кононыхина, кто же водил ее на занятия, она ответила коротко и ясно: «Бабушка». И сейчас мы должны признать, что среди людей, приложивших свои силы к тому, чтобы Леночка превратилась в подающую надежды фигуристку, бабушка занимает одно из важных мест.

Как ей и положено, она несколько лет водила внучку сперва на Петровку, к Марии Николаевне Захаровой, а затем в школу фигурного катания ЦСКА, к Галине Борисовне Титовой. Она была бабушка как бабушка, но вот внучка оказалась какой-то особенной. Девочка проявляла удивительную уверенность и никогда не падала духом. Конечно, Янине Антоновне не раз приходилось утирать ей слезы, когда дела на ледяной площадке не ладились. У кого все ладится, особенно в фигурном катании! В истории Леночки было всякое: и недовольные нотации тренеров и суровый приговор знатоков (после занятий на Петровке Леночку отвергли на стадионе Юных пионеров, а затем не хотели принимать в школу юных фигуристов ЦСКА). Бабушка огорчалась, родители сокрушались, но Леночка была уверена в своих силах...

Прошло целых восемь лет с того дня, как

На пьедестале почета с призом «Хрустальный конек».

Янина Антоновна привела Леночку на Петровку. И за это время девочка многое освоила в сложном искусстве фигурного катания, а главное — научилась трудиться изо дня в день, из месяца в месяц и находить в этом радость и удовольствие. Но как трудно давалась девочке наука побеждать! На своем первом соревновании она заняла двадцатое, последнее место, потом пятнадцатое, затем все чаще стала входить в пятерку лучших. В течение двух лет Лена неизменно оказывалась второй, проигрывая своей подруге Ирене Ипакян, но в год выпуска из школы Галины Борисовны стала занимать только первые места.

Когда Леночка Водорезова простилась с Галиной Борисовной, ей было десять лет. А на выпускных соревнованиях ее заметил известный тренер Станислав Алексеевич Жук и сказал одно только слово: «Беру». И у девочки началось как бы заново знакомство с фигурным катанием. Оказалось, что она многого не знает, что многое делает не так, что фигурное катание потребует теперь от нее еще больших сил, чем раньше. Но Леночка по-прежнему была уверена, что справится.

Вот расписание жизни ученицы шестого класса 704-й школы Лены Водорезовой.

Она встает в пять часов сорок пять минут утра и в семь часов уже встречается со своим тренером на льду. Занятия продолжаются более трех часов, а затем Леночка отправляется в школу, которая находится совсем недалеко от Дворца спорта ЦСКА. В этой школе по инициативе Центрального спортивного клуба армии создан класс спортсменов. Нет, поблажек им школа никаких не дает, просто занятия согласуются с расписанием тренировок. Леночка учится хорошо, не имеет ни одной тройки, и на занятиях ее мысли заняты совсем не спортом, а школьными предметами, хотя рядом с ней ее спортивные подруги — Ирена Ипакян и Света Петракова. Вместе после занятий они и отправляются сразу же в спортивный клуб. Там им отведена комната, где они делают уроки, отдыхают, а затем приступают к вечерней тренировке. К девяти часам вечера за Леночкой приезжает Зинаида Михайловна, а дома ждет ее ужин и постель.

Суровый режим! Да, режим трудный, в нем расписана каждая секунда, но Леночка чувствует себя отлично, ей хватает времени на все, не только на спорт и школу, но и на сказки, которые она читает с превеликим удовольствием, и на посещение концертов, куда непременно водит ее хореограф Нина Валентиновна Домановская. Теперь, после первой большой победы на международных соревнованиях на приз газеты «Нувель де Моску», кому не ясно, что маленькая фигуристка довольна своей жизнью.

После того, как Лена выиграла приз «Хрустальный конек» у сильной американской фигуристки У. Бэрдж, она оказалась сразу же под обстрелом телеоператоров. Тогда многих удивила уверенность Леночки. На вопрос журналиста: «Думала ли она, что сможет выиграть соревнование!»— Лена спокойно ответила: «Да, думала».

Такого ответа от нее не ожидал никто. Но это была не самоуверенность, а уверенность. Уверенность в своих силах. И надо ли этому удивляться, если мы знаем, что за спиной у Лены Водорезовой уже около десяти соревнований и двухлетняя учеба у Станислава Жука!

— А почему ты была уверена, что выиграешь!— спросил Леночку телекомментатор.

— Потому что на разминке мне хорошо удавались тройные прыжки,— сказала Лена.

Вот и все! Удавались тройные прыжки. Когда восемь лет назад Герман Николаевич и Зинаида Михайловна с удивлением наблюдали, как хорошо прыгает их маленькая дочка через скакалку, думали ли они, что переполненный Дворец спорта будет с восторгом наблюдать ее сложнейшие тройные прыжки надо льдом!

В тот вечер Янине Антоновне не пришлось утирать слезы своей внучке. В этот раз плакала от счастья сама бабушка, а родители Леночки так и не смогли прорваться к ней, чтобы поздравить ее с победой: как ни убеждали они билетершу, что являются родителями самой Елены Водорезовой, их не пропустили...

Джонни был подарен Леночке во Дворце спорта.

Зинаида Михайловна на занятиях в школе.

Герман Николаевич и его команда.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663